

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ ЕВТУШЕНКО

ОТРЯД-5

Алексей Анатольевич Евтушенко

Отряд-5

Серия «Отряд», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22173440

Евтушенко А. А. Отряд-5: Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-92422-6

Аннотация

Долгожданное продолжение легендарного цикла «Отряд»!

В одном из рукавов Млечного Пути зависла Пирамида – самый могущественный артефакт Галактики, созданный более миллиона лет назад таинственными Хозяевами. Ныне Пирамидой владеет Отряд и русские Стражи Внezerкалья под командованием Мартина Станкевича. Они мечтают сделать Пирамиду достоянием всех развитых разумных рас и создать с ее помощью Галактическое Содружество. До воплощения этой мечты остается совсем немного, но... в дело вмешиваются давние враги Отряда. Свароги сами намерены овладеть Пирамидой, используя ее возможности для завоевания Галактики. Приходится бывшим недругам, а ныне бойцам одного Отряда лейтенанту Красной Армии Александру Велге, оберлейтенанту вермахта Хельмуту Дитцу и их подчиненным вновь взяться за оружие...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	64
Глава четвёртая	84
Глава пятая	111
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Алексей Евтушенко

Отряд-5

© Евтушенко А. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава первая

– Воздух! – заорал Хельмут. – Справа на три!

Тело повиновалось мгновенно. Сразу же, как только до ушей долетел крик Дитца. Никто из них уже давно не целился на расстоянии до тридцати метров. А то и до пятидесяти. Стрелять навскидку и попадать научила война и профессия военных разведчиков. Последующая непростая жизнь закрепила навык.

«Адова Хильда» – плазменная винтовка, бьющая высокоэнергетическими импульсами, сравнимыми по своей разрушительной силе с 37–45-миллиметровым артиллерийским снарядом, словно приросла к плечу и кажется естественным продолжением рук.

Палец мягко нажал на спуск.

Отдача толкнула в плечо. Короткая ослепительная молния сверкнула за срезом ствола и в то же мгновение впилась точно в морду атакующего с воздуха дрона.

Вспышка, треск, и дымящиеся остатки боевого робота свалились на брусчатку.

Тут же, слева, дважды подряд выстрелил Дитц. Чей-то крик боли утонул во вспышке огня и грохоте взрыва. Кровяные ошмётки вылетели из чёрного провала входных дверей. Правильно. Лучше выстрелить, перезарядить и снова выстрелить, чем светить фонариком и спрашивать: «Кто тут?»

Краем глаза Велга заметил мелькнувшую в окне второго этажа на другой стороне улицы чёрную фигуру. «Адова Хильда» дёрнулась в руках. Осколки стекла с глухим звоном посыпались вниз, ударились о тротуарную плитку, разлетелись на десятки острых брызг. Фигура исчезла, оставив после себя в воздухе продолговатый ребристый мячик гранаты.

Саша увидел гранату выпукло и чётко, как на объёмном цветном фото. «Ф-1», «лимонка». В такие моменты время иногда замедляется в буквальном смысле. Сейчас как раз такой момент.

Граната выкрашена в зелёный цвет. Значит, боевая. Время до подрыва – 3.2–4.2 секунды, о чём лейтенанту Красной Армии Александру Велге не нужно вспоминать, эти сведения накрепко отпечатаны в подкорке.

Он не думал, попал или нет в чёрную фигуру за окном и каким образом «лимонка» оказалась в воздухе, если он не заметил момента броска. Он действовал.

Граната казалась словно подвешенной на невидимом парашюте. Судя по траектории движения, примерно через полторы секунды или даже меньше она ударится о край тротуара рядом с ними. И обер-лейтенант вермахта и старый друг Хельмут Дитц её не видит.

Сбивать старого друга наземь и падать рядом?

Невидимый парашют уже в двух с половиной метрах от земли.

Плохой вариант, они слишком близко, а разлёт осколков

у «Ф-1» приличный.

Попытаться отбросить выстрелом?

А если рванёт? Плазменный заряд – не пуля, последствия непредсказуемы. Да и нет гарантии, что он попадёт. Даже с такого расстояния.

Метр до земли.

Решение пришло интуитивно.

– Падай! – теперь уже заорал Велга.

Одновременно толкнул Хельмута в плечо, резко ускорил шаг и с размаху ударил по гранате носком ботинка. Словно лет двенадцать назад по зоске¹ в московском дворе.

Ботинок хороший, крепкий. Водонепроницаемый и огнеупорный. Отлит по ноге и способен выдержать чёртову уйму километров по любому бездорожью. Мечта, а не обувь, никакой самый лучший яловый сапог с ним не сравнится. Не говоря уже о кирзовом. Но шестьсот граммов ребристого чугуна – это вам не лёгонькая зоска.

Резкая боль пронзила ногу.

Граната, кувыряясь, умчалась прочь по высокой дуге.

Велга упал, где стоял, сжался в комок, инстинктивно прикрыл голову руками (пусть лучше осколок перебьёт предплечье, чем проломит затылок).

В отдалении пыхнул взрыв, похожий на громкий хлопок.

---

¹ Зоска, она же лянга – кусок кожи с длинной шерстью и прикреплённой к коже свинцовой пластинкой, используется в одноимённой детской игре. В зоску (лянгую) играют ногами. Современный ближайший аналог – сокс. (Прим. авт.)

Осколки секанули по булыжнику, плитке тротуара и стенам домов, но все мимо.

Кажется, пронесло.

Рука Дитца хлопнула Велгу по плечу:

– Подъём, камрад!

Они пошли дальше. Винтовки у плеча, пальцы у спусковых клавиш, глаза смотрят, уши слушают. Но теперь Велга заметно хромал на правую ногу. «Если и не перелом, то серьёзный ушиб – точно, – подумал он. – Но хорошо я по ней врезал всё-таки, от души».

– Как ты? – не поворачивая головы, отрывисто спросил обер-лейтенант вермахта.

– Терпимо, – ответил лейтенант Красной Армии.

– Уже скоро.

– Знаю.

Проезжая часть улицы была аккуратно выложена брусчаткой. Недавно шёл дождь, поэтому брусчатка мокрая и скользкая. В который раз Велга порадовался, что они в спецботинках, а не сапогах. И в защитно-маскировочных комбинезонах сварогов поверх формы – чертовски удобных, меняющих цвет и даже фактуру под окружающую среду. Если в таком упасть в кучу осенних листьев и набросить на голову капюшон, то не всякий опытный взгляд различит с нескольких метров, где кончаются листья и начинается человек. От тех же осколков на излёте, удара ножа и пистолетной пули они тоже спасают. Стоящая вещь. Им бы такие в сорок тре-

тъем, а ещё лучше в сорок первом... Хотя, кому это – им? Отряду? Так в нём русских и немцев поровну, если считать только мужчин. Это сейчас они друзья и действуют заодно, а тогда воевали бы в этих стоящих вещах друг против друга. И что? Те же шансы – пятьдесят на пятьдесят. Нет уж, забыли. К тому же кончилась война давным-давно, и кто в ней победил – известно. Без всяких боевых инопланетных комбинезонов, а также инопланетного и прочего чудо-оружия, к слову.

Вот и площадь.

Квадратом – трёх-четырёхэтажные дома. По две, перпендикулярные одна другой, улицы с каждого угла. Посередине – чахлый скверик с пустым фонтаном и несколькими скамейками. На долю секунды взгляд задержался на двух обнажённых мраморных женских фигурах в центре фонтана (левая рука обвивает бёдра подруги, правая держит над головой плоскую чашу) и скользнул дальше в надежде обнаружить хоть какое-то движение.

Ни души.

Даже голубей и крыс не видно. Кажется, город вымер или давно покинут жителями. Теперь здесь только враг, которого необходимо уничтожить. Потому что иначе он уничтожит тебя.

Не сговариваясь, Велга и Дитц разошлись в стороны, вжались в проёмы дверей, внимательно оглядывая площадь и выискивая опасность. И она не заставила себя ждать.

В отдалении возник и усилился низкий, пробирающий до костей и последнего нерва, гул. «Словно армада «юнкеров» на подлёте, – успел подумать Велга. – Сейчас вывалятся из-за облаков, и начнётся свистопляска...»

Запертые арочные ворота второго с левого края дома на противоположной стороне площади разлетелись в щепки, и оттуда выплыл аппарат, вид которого недвусмысленно заявлял о его единственной цели – убивать. Крестообразная платформа-корпус в серо-коричневых камуфляжных разводах, с приплюснутой угловатой башней посередине. У башни два, спаренных вертикально, ребристых ствола, ещё два по бокам поменьше и какой-то полупрозрачный вращающийся, толстый цилиндр сверху. Отчего-то этот цилиндр не понравился Велге даже больше, чем стволы, которые тоже вряд ли были приспособлены для подачи по ним горячего шоколада и сладкой газированной воды. Ни гусениц, ни колёс – лишь непонятные чашеобразные наросты на четырёх концах платформы-корпуса. Боевая машина (а какая же ещё?) парила над землёй на метровой высоте и медленно, но неотвратимо двигалась к ним.

«Не иначе, антиграв, – подумал лейтенант, – не похоже на воздушную подушку или реактивную тягу. Мусор в стороны не летит. И пыль. Хотя пыль прибита дождём... Значит, грязь». Аппарат, ломая тонкие деревца (здесь то ли ранняя весна, то ли поздняя осень, снега нет, и деревья стоят голые), завис точно над пустым фонтаном, прямо над плоской ча-

шей, которую держат, соблазнительно изогнувшись, две мраморные девушки. Повёл стволами, словно принохиваясь...

«Сейчас шарахнет. Нет, в лоб её не взять. Стоит выстрелиться – тут же засечёт и врежет так, что сапог не останется. Точнее, ботинок. Без разницы. И отступать некуда – тоже заметит. Этот крутящийся «стакан» на башне сверху... Наверняка какой-то сканер, мать его! Где-то я уже видел похожие. Гляделка и нюхалка. Не удивлюсь, если работает в куче диапазонов. Значит, первым делом нужно выбить глаза и лишить нюха. И как это сделать?»

«Крыша, – пришёл ответ. – За твоей спиной дверь. За дверью – лестница, которая наверняка выведет тебя на крышу. И Хельмута тоже, потому что за его спиной похожая дверь».

Велга поймал взгляд Дитца, большим пальцем левой руки (в правой – стволом вверх – «Хильда») показал на дверь за спиной, затем им же и глазами – вверх.

Друг Хельмут чуть кивнул – понял, мол.

Хорошо, что двери подъездов тут не закрыты на замки.

Велга ухватился за ручку двери, потянул на себя ровно настолько, чтобы протиснуться, скользнул в подъезд. Здесь был полумрак, пахло старой краской и деревом. Тоже старым. Отсюда, мимо деревянной, крашенной чёрной краской лестницы, расположенной впереди и слева, наверняка можно попасть во внутренний двор. Вон и вторую дверь видно. А из двора, через чёрный ход, в другой дом. И уже оттуда – на другую улицу, параллельную этой. Очень удобно, если

нужно бежать, спастись от погони. Но Велге спастись не надо. Ему надо как раз на лестницу.

Ступени едва слышно поскрипывали под ногами. «Это хорошо, – подумал он. – Всегда хорошо, когда меньше шума». Хотя он бы предпочёл, чтобы вообще ничего не скрипело. Но будем благодарны судьбе и за такие маленькие радости.

Второй этаж... третий... вот и дверь на чердак. И здесь не заперто, везёт.

Пригнувшись (дверь низковата для его роста), Велга шагнул в пыльный сумрак чердака, секунду неподвижно постоял, позволяя глазам привыкнуть, осмотрелся, прислушался. Тихо, никого нет. Даже голубей, как было уже замечено (интересно, кстати, куда они подевались – съедены изголодавшимися за войну гражданами?). Только с площади доносился всё тот же гул. Значит, враг по-прежнему там, ищет кого бы убить. Ага, вон и чердачное окно.

Он легко выбрался на черепичную крышу, дальше по скату – на конёк, аккуратно, но быстро переставляя ноги, побежал по коньку до высокого декоративного фронтона, выходящего на площадь. Фронтон как раз достаточной высоты, чтобы скрыть его за собой. На крыше соседнего дома слева он заметил Дитца. Немец долговяз (метр девяносто, не шутка), и фронтон на его доме пониже. К тому же сам дом расположен под другим углом к площади – так, что от её центра часть крыши, возможно, просматривается. Поэтому Хельмут согнулся в три погибели и старался бежать не по

самому коньку, а по противоположному от Велги скату. Это труднее, и Дитц слегка отставал от Саши. Но ненамного.

Прячась за выступом фронтона, Велга дождался, когда друг Хельмут займёт удобную позицию и знаками показал, что сначала нужно постараться уничтожить вращающийся «стакан». Хельмут кивнул, соглашаясь, вытащил из бокового набедренного кармана гранату и продемонстрировал Велге. Теперь, соглашаясь, кивнул Саша. План верный: сначала лишит машину зрения и тут же, пока не опомнилась, постараться убить. Их гранаты легче той же «Ф-1» граммов на сто пятьдесят, но гораздо мощнее. Среднего боевого робота выводят из строя на раз – проверено.

«Раз, два, три», – выбросил три пальца вверх Велга (по-немецки – большой, указательный, средний), тут же вскинул «адову Хильду» к плечу, выглянул из-за фронтона. Посмотрел вниз через прицел. Грозная машина чуть сместилась влево и поднялась выше, но в целом по-прежнему представляла собой отличную мишень.

Они выстрелили одновременно, и «стакан» на башне разлетелся в пыль. Тут же по длинной пологой дуге полетела вниз граната Дитца. Ей лететь дольше, поэтому Велга, активировав взрыватель (дважды сильно вдавить утопленную в корпусе кнопку), секунду выждал и только затем отправил в полёт свою. И тут же присел спиной к фронтому.

Двойной взрыв слился в один. Выждав ещё пару секунд, Велга привстал и осторожно выглянул.

Вот теперь совсем другое дело. Корпус грозной машины бессильно раскорячился на земле (один конец «креста» и все обломился, отлетел в сторону), башня потеряла центровку и съехала набок. Оба главных ствола уткнулись в землю, а тех, что поменьше, и вовсе было не видеть. А фонтан – надо же! – целёхонек. И хорошо, жаль было бы эту красоту испортить. Хотя и пошловатая красота, прямо скажем, и не живой скульптор девушек этих обнажённых из цельного куска мрамора высекал, а всё равно жаль.

Велга посмотрел на часы. На всё про всё ушло четырнадцать минут двадцать восемь секунд. Нормальный результат. Не самый выдающийся, но вполне приличный. Хотя позавчера они с Хельмутом уложились в четырнадцать семнадцать. Но там был не город, а лабиринт, он попроще, и вообще у нас тут не Олимпийские игры, мы сюда не за рекордами отправляемся.

Прислонившись к фронтому спиной, он закинул винтовку на плечо, выудил из нагрудного кармана сигарету и зажигалку, прикурил. Сделал две затяжки. На соседней крыше курил Хельмут.

Ударил колокол, означающий, что время, отведённое на выполнение тренировочного задания, вышло. Велга и Дитц спокойно докурили, загасили окурки, бросили их вниз на площадь (роботы-уборщики подберут) и отправились на выход.

Велга давно перестал поражаться возможностям Пирами-

ды – уникального и фантастического во всех смыслах сооружения, воздвигнутого неведомыми Хозяевами один миллион двести тысяч лет назад и оставленного ими же «всего» через десять тысяч лет. Предположительно в те доисторические времена Хозяева контролировали все значимые миры (читай – миры с разумной жизнью) в галактике Млечный Путь, и Пирамида была одним из инструментов этого контроля.

И ещё каким инструментом!

Если Пирамида располагалась на планете с разумной жизнью, она легко могла быть подключена к каналам Внезеркалья – особым внепространственным туннелям, способным практически мгновенно перенести путешественника куда угодно, если речь шла о планетах, наделённых разумной жизнью (наличие каналов Внезеркалья являлось характерным признаком всех таких планет). Также сеть этих поразительных каналов, не лезущих ни в какие, известные на Земле (и не только!) научные теории, связывала как сами планеты, так и их «дубликаты», находящиеся в параллельных мирах.

Вселенная оказалась намного сложнее, чем думали когда-то лейтенант РККА Александр Велга, обер-лейтенант вермахта Хельмут Дитц, сержант РККА Сергей Вешняк, рядовой стрелок вермахта Рудольф Майер, рядовой боец РККА Михаил Малышев, рядовой стрелок вермахта Курт Шнайдер, рядовой боец РККА Валерий Стихарь и ефрейтор вермахта Карл Хейниц.

И вот результат. Бывшие смертельные враги, а ныне братья по оружию, чья преданность друг другу не требует подтверждений, находятся в Пирамиде, которая, в свою очередь, висит в одном из рукавов Млечного Пути (точные координаты известны ЦПМ – Центральному мозгу Пирамиды по прозвищу Циля Марковна Перпельпихтер, и этого вполне достаточно) в ожидании официальных представителей трёх развитых галактических цивилизаций. А именно: сварогов, ирюммов и лируллийцев. Для начала.

Кроме Отряда, куда входили также целительница, колдунья и жена Михаила Малышева Анна Громова с их полугодовалой дочерью Лизой и самая настоящая фея Нэла, в Пирамиде на правах полновластных хозяев обреталась команда русских Стражей Реальности. Эти люди были способны находить каналы Внезеркалья и пользоваться ими без всякой Пирамиды. Но, так как последняя была связана с каналами самым непосредственным образом, неудивительно, что именно они первыми на неё и наткнулись. А наткнувшись, уйти уже не смогли и не захотели, не бросают такие находки. Ещё один обитатель Пирамиды – гуманоид и первобытный охотник Свем Одиночка, был родом с Жемчужины – планеты, на которой таинственные Хозяева оставили «законсервированную» Пирамиду один миллион сто девяносто тысяч лет назад.

Пирамида могла почти всё.

Лечить от любых болезней и продлевать жизнь её обита-

телям.

Быстро и эффективно учить, мгновенно предоставляя практически любую информацию в любой, наиболее удобной, форме.

Восстанавливать или заново создавать любой предмет, устройство или субстанцию, включая пищу и воздух.

Поддерживать саму себя в рабочем состоянии на протяжении сколь угодно долгого времени (ничто не вечно под лунной, но люди иногда подозревали, что к Пирамиде это не относится).

Совершать межгалактические и межзвёздные путешествия.

Генерировать практически любое необходимое количество энергии в любом виде и для любых целей.

Кроме всего прочего, Пирамида являлась своего рода Ноевым ковчегом. Здесь хранились ДНК (и структуры, заменяющие ДНК у небелковой жизни) миллиардов видов, некогда населявших и продолжающих населять Млечный Путь, Малое и Большое Магеллановы Облака и даже Туманность Андромеды, отстоящую от Солнечной системы более чем на два с половиной миллиона световых лет. Как утверждал Оскар – искусственное разумное существо, хранитель Пирамиды, если случится невероятное, и вся жизнь в перечисленных звездных скоплениях погибнет, возможностей Пирамиды хватит для того, чтобы её возродить. Было бы кому этим заняться.

Сама Пирамида имела два с половиной километра в высоту и покоилась на кубе со стороной два километра двести сорок метров. Общий объём – больше пятнадцати кубических километров (четыре и семнадцать сотых пирамидальная часть, одиннадцать и две десятых – кубическая). Общая высота – четыре километра семьсот сорок метров. Поставь рядом с горой Эльбрус – крохотной в сравнении не покажется. На Жемчужине, планете Свема Одиночки, кубическое основание находилось под водой глубокого озера, его не было видно, на поверхности блистала только сама Пирамида.

Велга прищурился, вспоминая, когда увидел её впервые с борта живого вездехода по имени Маша. Да, это было сильное зрелище – идеально ровные и гладкие, сверкающие под лучами солнца и отражающие небо грани, взметнувшиеся из озёрных вод высоко в зенит. Величественно и непобедимо, назло самому времени и судьбе. Потом оказалось, что фантастическое сооружение ещё больше, и тот, кто им владеет, по сути, контролирует всю Галактику.

Кому под силу такая ответственность?

Они не раз обсуждали этот вопрос.

Те же немцы, с молодых ногтей приученные к порядку и дисциплине, но, тем не менее, не чуждые имперских амбиций, считали, что Пирамида, конечно, должна принадлежать всем расам разумных, но главенствующая роль обязана оставаться за землянами.

– И не просто за землянами, – рассуждал Дитц, когда об

этом зашла как-то речь. – А за нами.

– За нами – это кем? – немедленно поинтересовался аналитик Влад Борисов из Стражи Реальности.

– За немцами и русскими.

– То есть за современной Россией и Германией?

– Да, – кивнул Дитц. – Современной Россией и Германией, которые находятся на корневой Земле. То есть той, откуда мы все родом.

– Не все, – заметила Марта Явная из Патруля Реальности с Альтеры.

– Чёрт, – сказал Хельмут. – Извини, Марта, совсем забыл.

– Бывает, – проронила Марта.

– Напомните, сколько у нас стран только на корневой Земле? – спросил Велга.

– Около двухсот, – ответил Борисов.

– И не меньше на той же Альтере, – продолжил Александр. – Плюс как минимум еще две альтернативные Земли, нам известные. Добавим сюда сорок пять «живых» уровней Пирамиды – это миры, населённые развитыми разумными существами.

– По сравнению с которыми, кстати, наша земная цивилизация может выглядеть довольно убого, – вздохнул Борисов.

– Согласен, – кивнул Велга. – Но я не закончил. Мы не знаем, каким образом устроена жизнь на большинстве из этих миров. Есть ли там отдельные страны, как на Земле, или они, подобно ирюммам и лируллийцам, составляют единое

общество.

– А у сварогов – две империи, – вставил Валерка Стихарь, которому тоже хотелось поучаствовать в разговоре. – Готовые порвать друг друга, как тузик грелку. Только дай.

– Во-во, – подал голос Руди Майер. – Да мы и сами любого порвём. Только дай. Жадность человеческая безгранична.

– Философ! – с комичным уважением заметил Сергей Вешняк.

– Отставить перебивать командира, – сказал Велга добродушно. – Совсем распустились.

– Всех на Восточный фронт! – железным голосом лязгнул Дитц. – Под пули!

Влад Борисов невольно вздрогнул. Разведчики ухмыльнулись.

– Поэтому я и предлагаю вариант главенства России и Германии, – вернул обер-лейтенант нормальный голос. – Иначе порядка не будет.

– Неплохая мысль, к слову, – согласился Мартин Станкевич, начальник Стражи Реальности. – Если судить с точки зрения геополитики, союз Германии и России в современных условиях способен изменить мир.

– И мы – реальное подтверждение этому, – заключил Курт Шнайдер. – Стоило объединиться, таких дел наворочали, – страшно вспомнить.

– А мир нужно менять? – спросил Велга.

– Насильно – нет. Но надо. Иначе ничего не выйдет.

– Какое насилие! – воскликнул Стихарь. – Я вас умоляю! Всё исключительно добровольно. Как на Багатыновке в Ростове. Граждане, взятые на гоп-стоп, отдают лопатники исключительно добровольно.

Все засмеялись. Пример был не слишком точен, но нагляден.

– Ну да, ну да, – покивал Влад Борисов. – Добрым словом и пистолетом вы можете добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом.

– Ух ты! – восхитился Валерка. – Кто это сказал?

– Аль Капоне.

– Не слышал. Авторитет, видать.

– Дальше некуда. Американский гангстер. Убил кучу народа, отсидел семь лет за неуплату налогов, почти всю жизнь болел сифилисом, умер, не дожив до пятидесяти.

– Туда ему и дорога, – сказал Валерка. – Не люблю бандитов. Но сказано всё равно хорошо.

Подобные обсуждения, часто переходящие в бурные споры, помогли, в конце концов, выработать и единогласно утвердить общую позицию, которая и была отражена в официальном документе под названием «Декларация свободных граждан Пирамиды». В числе прочего там было сказано, что Пирамида является отдельным, территориально независимым образованием. Власть в Пирамиде и сама Пирамида принадлежат свободным гражданам Пирамиды (следовало перечисление имён и фамилий всех людей, находящихся-

ся в Пирамиде, а также гуманоида Свема Одиночки и феи Нэлы), которые делегируют её избираемому Совету Пирамиды и Председателю Совета. Гражданство Пирамиды может быть получено только после прохождения испытательного срока, назначаемого Советом в индивидуальном порядке. Граждане Пирамиды не претендуют на галактическое господство, а сама Пирамида может использоваться только в мирных целях представителями всех разумных существ Галактики Млечный Путь, а также галактик-спутников, чьи уровни имеются в Пирамиде (до получения гражданства только на правах гостей и кандидатов). За исключением тех случаев, когда чья-либо явная агрессия угрожает существованию самой Пирамиды, человечеству планеты Земля или иной цивилизации.

Все были согласны, что «Декларация» далека до юридического совершенства, но для начала вполне годилась.

– Время само впишет недостающие параграфы, – заключил Дитц. – И вообще, терпеть не могу всё это крючкотворство и политику. Из-за них войны и начинаются. А мы, солдаты, расхлёбываем.

– Без политики и крючкотворства никак, – вздохнул Борисов. – Уж лучше мы эти крючки сотворим, чем кто-то другой.

Тут же, не откладывая дела в долгий ящик, новоиспечённые свободные граждане Пирамиды избрали Совет, в который единогласно вошли Мартин Станкевич, Александр Вел-

га, Хельмут Дитц и Влад Борисов. Временным Председателем с кандидатским сроком в три месяца стал Мартин Станкевич, которого уже избирали только члены Совета.

– Мужской шовинизм в действии, – заметила на это Маша Князь. – И почему я не удивлена? – И тут же на всякий случай добавила: – Шучу.

Не успели Велга и Дитц выйти за порог тренировочного сектора, как голос Марты Явной (шла её вахта) объявил по громкой связи о том, что сканерами Пирамиды обнаружен имперский линкор «северных» сварогов. Вынырнул из гиперпространства и направляется в точку randevu.

– Членам Совета собраться в рубке через десять минут, – тут же раздался голос Станкевича. – Форма одежды... удобная.

– «Северные» свароги, – пробормотал Дитц. – Первые прибыли. Кто бы сомневался. Сколько времени прошло с тех пор, как мы сообщили, что ждём их ровно месяц?

– Двадцать третьи сутки идут, – сказал Велга.

– Принцесса Стана девушка ушлая. То есть уже Императрица, конечно.

– И не девушка, – хмыкнул Велга.

– Что? А, ну да, – рассмеялся Хельмут.

– Да и муж её не лыком шит.

– Карсс? – приподнял бровь Дитц. – Не лыком. Но всё равно под женой ходит. Хочешь пари?

– Догадываюсь, какое, – усмехнулся Велга. – Наплачемся

мы с ней.

– Э! – возмутился Дитц. – Это моя реплика!

– Пошли в душ, – предложил Александр. – Не хочется вонять потом при Её Императорском Величестве.

– А то она нашего пота не нюхала, – пробурчал Хельмут. – Но ты прав. Мы хозяева, а гостей следует принимать в приличном виде.

Пока приводили себя в порядок и поднимались на лифте в рубку, расположенную в верхней части Пирамиды, прибыл и второй гость – линкор «южных» сварогов.

– Оперативно, – заметил на это Велга. – Неужели и впрямь преодолели разногласия?

– Скорее, никто не хочет отставать, – сказал Дитц. – Где гарантия, что ты встал, а тапочки уже тью-тью?

– Гарантия – наше слово, – сказал Велга. – Мы обещали и «северным», и «южным» совместный доступ на уровень Пейаны.

– Наивный ты, Саша, – вздохнул Хельмут. – Какие могут быть гарантии в политике? Это для нас с тобой слово что-то значит. А для императоров важна только политическая выгода. И не только для императоров.

– Да всё я понимаю, – поморщился Велга. – Нашёл тоже наивного. Что есть выгода? Если мы решили сделать Пирамиду чем-то вроде центра единения и координации всех разумных рас Галактики, то нашей первоочередной задачей как раз и является донести до них, что честное слово чело-

века, наше с тобой честное слово – это высшая гарантия, какая только может существовать в этом мире.

– Красиво излагаешь, – кивнул Дитц. – Но попомни моё слово. Нахлебаемся мы ещё дерьма с этим центром единения по самое не могу.

– Пессимист.

– И этим горжусь.

– А то мы дерьма не хлебали.

– Такого – нет. Это особое дерьмо. Высшей тошнотворности.

– Я не понял, – Александр остановился и упёр руки в бока. – У тебя есть конкретные предложения?

– Нет. Предложений нет. Только... – Он умолк.

– Что?

– Ничего, – вздохнул Хельмут. – Ты прав, надо дело делать. В конце концов, не попробуешь – не узнаешь.

– А не узнаешь – так и помрёшь в неведении, – подытожил Велга.

Реакция адмирала Ттафу Монджа на появление в ходовой рубке новейшего линкора «Ярость Севера» Императрицы Станы Второй и её мужа Карсса Оргома, более известного в Империи под прозвищем Везунчик, была мгновенной.

– Господа офицеры!!

Присутствующие, за исключением первого навигатора, которому Устав запрещал лишний раз дёргаться без личного приказа командира или прямой угрозы для жизни, вско-

чили со своих рабочих мест, вытянулись – руки прижаты к бёдрам, подбородки задраны, взгляд оловянный.

– Отставить! – махнула рукой Стана. – Работайте, господа.

– Отставить! – приказал адмирал.

Офицеры сели, каждый принял до крайности озабоченный и занятой вид. Только молодой офицер связи не удержался, быстро покосился на Императрицу и тут же уткнулся в экран.

Тем не менее Стана короткое жадное внимание уловила, её губы тронула едва заметная усмешка. Стана давно не была той юной и свежей принцессой, чьи серые удлинённые глаза, чёрные густые волосы и умопомрачительная линия бёдер бросали в восторженную дрожь миллионы подданных Империи «северных» сварогов мужского (а бывало, и не только мужского!) пола. Принцесса превратилась в Императрицу. Юная девушка – в зрелую, родившую и выкормившую сына женщину. Но годы добавили ей не только власти и величия, но и сексуальной привлекательности. Для тех, кто понимает, конечно. Молодой офицер связи понимал. Так же, как то, что свои безумные мечты лучше запрягать так далеко, чтобы никто и заподозрить не мог об их существовании. Ибо мечты мечтами, а жизнь и карьера дороже. Сама-то Императрица, по слухам, снисходительно относилась к мужскому вниманию, если оно оставалось в рамках, чьи размеры каждый раз определяла она сама. Но её муж... При всей видимой демократичности и простоте в обращении с подчинёнными

Карсс Оргом не прощал ни малейших посягательств на свою власть и собственность. Любой чиновник и военный Империи очень хорошо помнил, что произошло с командующим объединённым флотом «северных» сварогов и лируллийцев, который отказался вступить в переговоры с Волей и Словом Императрицы во время недавнего, случившегося буквально на днях, исторического противостояния, когда три галактические расы («северные» свароги в союзе и лируллийцами и «южные» в союзе с ирюммами) чуть было не поубивали друг друга.

Да, формально командующий был прав – он выполнял прямой приказ Императрицы. Но это ему не помогло. Уже через шесть дней после возвращения Карсса Оргома домой командующий был снят со всех должностей и с униЗИтельно формальными почестями отправлен в отставку (даже преподавать в Военно-космическую академию не пустили), а его место занял Ттафу Монджа. Молодой, амбициозный и, по слухам, обладающий необходимой для такой должности гибкостью ума и позвоночника.

– Всё готово? – осведомилась Императрица, усаживаясь на приготовленное место перед обзорным экраном.

Карсс сел рядом, оглянулся на адмирала.

– Так точно, – доложил тот. – Можем начинать.

– Давайте, – разрешила Стана.

Экран засветился, едва заметно мигнул, набрал яркость, и в следующее мгновение на нём появились четверо мужчин.

Двоих, сидящих рядом – нога за ногу – в необычной форме креслах она узнала сразу. Александр Велга и Хельмут Дитц. Старые знакомые. Всё такие же, ничуть не изменились. Впрочем, да, Карсс ведь предупреждал. Но одно дело услышать и совсем другое увидеть. Вот они, как будто и не было всех этих лет. Молодые, красивые и наглые. И главное – невероятно, фантастически удачливые. Никогда она не могла понять, за что этим людям такая удача и судьба. Казалось бы, обычные солдаты обычной войны на заштатной, никому не известной планете у рядового жёлтого карлика на самой окраине Галактики. Человечество Земли дальше своего естественного спутника до сих пор нос не высовывало! А уж эти представители и вовсе были взяты сварогами из дикого времени. Пороховое оружие! Хорошо, не луки со стрелами.

Тут Стана вспомнила, чего смогли наворотить эти ребята своим древним оружием, и невольно вздрогнула. Да, не в оружии дело, следует признать. А в руках, которые его держат. Руки оказались надёжными и умелыми, признаем честно. И всё равно несправедливо. Почему две самые мощные в Галактике космические империи должны быть на равных с существами, настолько отставшими в развитии? Только потому, что они гуманоиды, так же, как вароги? На Лекте вон тоже гуманоиды. Мечами машут, верхом ездят, тягловых животных запрягают, под парусом и на вёслах по морям ходят. И что теперь, целоваться с ними? Да по мне те же ирюммы и лируллийцы ближе, чем люди. Даром, что первые ящеры,

а вторые и вовсе вышли из мира фауны...

Примерно об этом успела подумать Императрица, прежде чем пришла к своему концу естественная пауза, вызванная узнаванием и новым знакомством.

– Какая встреча! – гаркнул Дитц и помахал рукой. – Привет, Стана! Пусть я вновь окажусь в сталинградском аду, если ты не стала ещё прекраснее! Ох, извини, не сдержался. Или нам следует обращаться к тебе Ваше Императорское Величество?

– Здравствуй, Стана, – улыбнулся Велга. – Очень рад тебя видеть.

Эти простые слова и улыбка чуть было не отозвались в глубине души Императрицы чувством неловкости за те планы, которые она уже успела составить и утвердить. Но не отозвались. Привычным усилием воли Стана Вторая подавила самую возможность появления этого глупого чувства.

– Привет, мальчики! – ослепительно улыбнулась она. – Я тоже чертовски рада вас видеть!

Глава вторая

– Они должны остаться в живых, – сказал Карсс. – Я на этом настаиваю.

До выхода из гиперпространства оставалось меньше суток по корабельному времени. В рабочем кабинете обширной императорской каюты собрались четверо. Императрица Стана Вторая, её муж, Воля и Слово Императрицы Карсс Оргом, адмирал Ттафу Монджа и начальник военной контрразведки флота Эркке Адалъм. Все четверо были практически ровесниками, что, наряду с общностью задач и целей, стоящих перед ними, весьма способствовало взаимопониманию.

В наступившем молчании было едва слышно, как потрескивают сочленения и переборки линкора, как это всегда бывает в гиперпространстве (загадка, на которую ни одна научная теория и инженерная практика до сих пор не дали внятного ответа, поскольку никаких особых механических напряжений в гиперпространственном прыжке корабль не испытывает).

– Это будет труднее, – наконец, произнёс начальник контрразведки, поняв, что отвечать на эту реплику никто больше не собирается. – И опасней.

– Правда? – сочувственно осведомился Карсс.

– Насколько труднее и опасней? – спросила Стана. – То есть я хочу знать, может ли данное условие всерьёз помешать

успеху операции?

Эркке Адалъм задумался. Он понял, что фактически угодил в ловушку. Если сказать, что успех операции и впрямь может оказаться под серьёзной угрозой из-за выдвинутого Волей и Словом Императрицы условия, то тем самым он признается в том, что его люди и он сам неспособны выполнить поставленную задачу на должном уровне. Если же отыграет назад, то, спрашивается, зачем вообще открывал рот? Долго раздумывать, однако, времени не было. Властители мира сего не любят тех, кто долго думает. И они правы. Рядом с властью нужно соображать быстро. А в контрразведке и вовсе мгновенно.

«Какого чёрта, – всплыла, наконец, верная мысль. – Победителей никто судить не станет. А пообещать можно всё, что угодно».

– Всерьёз – нет, – сказал он. – Хорошо, я всё понял. Группа захвата получит дополнительные инструкции.

– Группа надёжна? – осведомилась Стана.

«Вся операция ненадёжна», – подумал Эркке, а вслух произнёс:

– Ручаюсь за каждого.

По лицам Станы и Карсса было заметно, что этот ответ им понравился.

– Я бы всё-таки не исключал огневой поддержки, – подал голос адмирал.

– Забудьте, – сказал Карсс.

– Но...

– Вы представить себе не можете, на что способна Пирамида. Я видел. Наш линкор для неё даже не учебная цель. Прихлопнет и не заметит. Нет, взять эту твердыню можно только изнутри. Скажем спасибо нашим инженерам, если принцип «исчезновения реальности» сработает как надо. Ну и группе захвата, конечно. Если они тоже сработают, как надо. – Карсс испытующе посмотрел на начальника контрразведки.

«Подозревает, – подумал тот. – Правильно делает, всегда отличался умом и проницательностью. Чёрт с тобой, подозревай. А я рисковать не могу».

– В последнем не может быть ни малейших сомнений, – твёрдо заявил он. И, чтобы отвлечь мысли Везунчика от скользкой темы, нерешительно добавил. – Но...

– Что «но»? – предсказуемо отозвалась Стана.

– Ручаться за группу «южан» я не могу.

– Не уверены в их профессионализме или беспокоитесь, что они будут вести свою игру? – спросил Карсс.

– В профессионализме уверен, этот враг достоин уважения. Второе.

– Вы делаете сразу две ошибки, Эркке, – сказала Стана. – С того момента, как мы с Императором Леслатом Пятым договорились о совместном владении Пирамидой, «южане» из разряда врагов перешли в разряд наших союзников и партнёров. Не знаю, что будет дальше, но на сегодняшний день

мы помним, что у нас одна кровь. И далее. Ваши сомнения по поводу их возможного предательства автоматически ставят под сомнение и мои способности, как вашей Императрицы. Чего я стою, если не могу предугадать удар в спину от союзника?

– Ни в коем случае, Ваше Императорское Величество. – На этот раз Эркке Адальм не задержался с ответом ни на миг. – Видеть в любом союзнике возможного предателя – это и есть моя работа. Вы можете довериться союзнику. В этом проявление вашего императорского великодушия и доброй воли. Но если союзник неожиданно нанесёт нам удар в спину, вина будет на мне. За недогляд.

– Что ж, соглашусь, – позволила себе милостиво улыбнуться Стана. – Но всё равно вы должны знать, что у меня нет ни малейших сомнений в верности Леслата Пятого нашему договору. Пока нет.

– Как будет угодно Вашему Императорскому Величеству, – наклонил голову начальник контрразведки. – Со своей стороны уверяю вас, что все этапы операции согласованы с нашими южными... э-э... коллегами, и взаимодействие полностью отлажено.

– Очень хорошо, – сказала Стана. – Значит, действуем по утверждённому плану. Совещание окончено, господа. Вы свободны.

Ночью, после привычно хорошего секса, они лежали в постели. Стана не любила, когда муж засыпал раньше неё, и

Карсс отлично это знал. Но сейчас ему даже не пришлось бороться со сном, чтобы угодить жене. Он хотел задать ей вопрос и, наконец, решился.

– Слушай... – сказал он.

– Угу, – сонно пробормотала жена. – Ты был прекрасен. Люблю тебя.

– И я тебя. Очень.

– Это правильно, – пробормотала Стана.

– Скажи, ты точно уверена, что мы... что мы поступаем правильно?

– Это ты про Пирамиду?

– Про что же ещё. Понимаешь, я не прощу себе, если погибнут Саша, Хельмут, Валера, Руди и другие. Нас слишком многое связывает, тебе не кажется?

– Мы ведь это уже обсуждали. – Голос Станы оставался сонным, из чего Карсс сделал вывод, что жена не отнеслась серьёзно к его словам. – Сколько можно?

– Извини, – сказал он. – Меня одолевают сомнения.

– Может быть, и Пирамида нам не нужна? – Стана перевернулась к нему лицом. – Может быть, тебя и в этом сомнения одолевают?

– Не говори ерунды, – сказал он сердито. – Просто... я не очень доверяю Эркке Адальму. Тот ещё лис. Спорим, он уверен, что победителю всё простят?

– Ты хочешь, чтобы я ему, если что, не простила? – осведомилась Стана, подперев рукой голову. Её густые чёрные

волосы двумя роскошными волнами спадали вдоль узкого лица, глаза поблёскивали в нежной полутьме, и Карсс подумал, что, действительно, по-прежнему её любит.

– Не знаю, – сказал он. – Сейчас я хочу, чтобы все остались живы, а мы получили необходимое.

– То есть и девку трахнуть, и кошелёк не открыть, – усмехнулась жена.

– Разве я многого прошу?

– Спи, – Стана наклонилась и поцеловала его в краешек рта. – Обещаю, что сделаю всё возможное, чтобы твоё желание осуществилось. Достаточно этого?

– Вполне, – сказал он. – Спасибо.

Через две минуты оба спали крепким сном без сновидений.

* * *

...С вечера маленькая Лиза закатила родителям концерт, подобного которому они не могли припомнить с самого её рождения. Лиза вообще была очень здоровым и спокойным ребёнком; случаи, когда девочка плакала, можно было пересчитать на пальцах одной руки. Конечно, и Пирамида играла тут свою роль, никто из её обитателей не болел. Но и наследственность стояла не на последнем месте. А родители Лизы Миша и Аня на здоровье не жаловались.

Тут же Лиза как начала плакать около девяти часов вече-

ра, когда ей следовало уснуть, так и продолжала с короткими перерывами до часу ночи.

Ничего не помогало.

Сначала Михаил носил дочурку на руках и пел ей старую казачью песню «Туман яром», которую ему всегда пела бабушка, молодой девушкой переселившаяся вместе с семьёй на Дальний Восток в конце девятнадцатого века с Черниговщины и уже здесь нашедшая мужа – русского таёжного охотника и собирателя женишеня Акима Малышева.

Під тим дубом криниця стояла,

Під тим дубом криниця стояла...

Выводил Малышев приятным густым баритоном. Лизу песня всегда хорошо успокаивала, и обычно на словах про «криницю під дубом» глаза ребёнка начинали закрываться. Но не в этот раз. Казалось, каждый новый куплет только добавляет раздражения, и плач становился всё громче. Потом эстафету приняла Аня, потомственная травница и колдунья. Но и у неё ничего не вышло.

Да что родители! Даже Локоток – идеальный Лизин товарищ, любимец, с удовольствием исполняющий обязанности живой игрушки, был вынужден отступить, и, будь у искусственного человечка лицо, на нём наверняка было бы написано большое недоумение, а возможно, и тревога.

Во всяком случае, именно тревогу высказала фея Нэла,

когда в ответ на тайное очень сложное и длинное заклинание Народа Холмов, способное, по словам Нэлы, усыпить разъярённого пещерного медведя, Лиза зашлась в таком безутешном плаче, что не выдержал даже ЦМП.

– Могу предложить безопасное снотворное, – сообщила Циля Марковна через динамики громкой связи.

– Снотворное?! – вскричала Аня. – Полугодовалому младенцу?! Циля Марковна, ты с ума сошла? Лучше скажи, что с ней!

– Девочка абсолютно здорова, – ответила Циля Марковна. – За это я ручаюсь. В Пирамиде никто не болеет. К тому же я только что провела всестороннюю диагностику её организма.

– Знаю, что провела, – буркнула Аня, прижимая плачущую Лизу к груди и расхаживая с ней по комнате. – Толку, правда, никакого от твоей диагностики.

– Не нравится мне это, Ань, – нахмурившись, сказала Нэла.

– Как будто мне нравится. Что делать-то? Никогда с ней такого не было. Ну, ну, маленькая, – Аня нежно поцеловала дочурку, – солнышко моё весеннее, не плачь, всё хорошо, мама здесь, папа здесь, тётя Нэла тоже здесь и Локоток. Даже Циля Марковна о тебе беспокоится. Правда, Циля Марковна?

– Считайте, что да, – сказала Циля Марковна. Она не умела беспокоиться в том смысле, который вкладывали в данное

слово люди, но почему бы не подыграть, если им от этого легче?

И тут Лиза замолчала. Как будто чья-то невидимая рука убрала звук.

– Не может быть, – сказала Аня.

– Тс-с, – сказал Михаил. – Не спугни.

Следующие пять минут прошли в напряжённом ожидании.

– Кажется, уснула, – шепотом сказала Аня и осторожно уложила дочку в кроватку. – Спасибо, Нэла. Побеспокоили мы тебя.

– Брось, – сказала Нэла. – Всё нормально. Надеюсь. Пойду я, если что, зовите не стесняйтесь.

На часах было двадцать минут второго ночи, когда измученные родители упали в кровать и уснули.

К этому времени, кроме несущего вахту стража Реальности Жени Аничкина, крепко спали все люди.

Женю первым и убили.

Десантные катера сварогов в режиме «исчезновения реальности» сумели подойти вплотную к Пирамиде незамеченными. Вершина технической мысли неведомых Хозяев оказалась бессильна перед достижениями также давно исчезнувшей расы угранов, творчески переработанными военными инженерами сварогов. На это и был расчёт. Сканеры Пирамиды были способны засечь физический объект размером с кастрюлю для борща на расстоянии в шесть миллионов ки-

лометров в любом диапазоне электромагнитного излучения или по возмущениям гравитационного поля.

Десантный катер сварогов мало чем напоминает кастрюлю. Разве что в нём тоже есть металл, и время от времени он может попасть под плазменный огонь вражеских пушек. Но главное, катер гораздо больше кастрюли. Примерно в десять тысяч раз. А расстояние от линкоров «Ярость Севера» и «Южанин», с чьих бортов стартовали катера, до Пирамиды составляло всего-то ноль и три десятых мегаметра. Так что засечь подобные объекты на таком расстоянии ничего бы не стоило. Будь «засекалка» соответственно заточена. Но принцип «исчезновения реальности» тем и хорош, что стороннему наблюдателю, пользующемуся стандартными, пусть и самыми чувствительными приборами, кажется, что в наблюдаемом пространстве ничего нет. Пусто.

А это не так!

Катера подошли со стороны вершины Пирамиды, где располагался ангар для живого звездолёта по имени Клёнья. Клёнью отпустили на волю, к сородичам, и теперь ангар пустовал. Идеальное место для начала атаки. Главное, незаметно в него попасть.

Эта проблема была решена до смешного просто.

Ровно в два часа ночи в «машинный зал», из которого на Жемчужине осуществлялся контроль за мирами, а теперь, когда Пирамида находилась в космосе, несущий функции корабельной рубки, спокойно вошёл Карсс Оргом.

Он знал, что на вахте Аничкин. То есть человек ему малознакомый, не член Отряда. К тому же как всякая творческая личность (журналист Женя Аничкин мечтал создать и возглавить в Пирамиде всегалактическое информационное агентство), не самый большой поклонник дисциплины. Значит, вероятность того, что вход в «машинный зал» будет свободным, оставалась весьма большой (окажись двери закрытыми, Карсс нашёл бы, что сказать вахтенному, данный вариант тоже был отработан).

Но двери были открыты, и Карсс просто вошёл.

Он даже сумел подойти почти вплотную, прежде чем Аничкин открыл глаза, стащил с головы наушники, бросил взгляд на часы и удивлённо воззрился на сварога.

– Привет, – сказал Карсс по-русски, не вынимая рук из глубоких карманов свободной куртки, надетой поверх стандартного защитного комбеза. И широко улыбнулся.

– Привет, – ответил Аничкин и начал привставать с кресла. – Что-то слу...

Закончить вопрос ему не дали.

Карсс выстрелил сквозь карман.

Достаточно широкий, чтобы не бояться промазать, и достаточно мощный, чтобы гарантированно обездвижить и обезгласить человека, невидимый луч парализатора сделал своё дело безупречно.

– Кх... кых-х...т, – немеющими губами прошептал Аничкин и рухнул обратно в кресло. Его глаза закатились. Из уг-

ла приоткрытого рта вниз по гладко выбритому подбородку протянулась ниточка слюны.

Карсс быстро стащил тело на пол, уселся в кресло и принялся за работу. До смены вахты Аничкина оставалось чуть меньше часа, сам он должен был валяться в отключке примерно столько же. Бездна времени, если распорядиться с умом.

Что-что, а распорядиться временем Карсс Оргом умел. Да и везение в очередной раз было на его стороне.

Люди не подумали, что уже на самом начальном этапе им необходимо вводить серьёзную систему идентификации и безопасности, а ЦМП было по фигу, кто и зачем отдаёт приказ на откачку воздуха из верхнего ангара и открытие внешних створок. Хотя определённой свободой действий Циля Марковна обладала, переспрашивать не входило в её обязанности. Поступил приказ, значит, так надо. Оскар же – искусственное существо с искусственным же разумом, хранитель Пирамиды, и вовсе последнее время появлялся крайне редко. Возможно, считал, что выполнил свою задачу, передав уникальное сооружение Хозяев в надёжные руки. Возможно, и нет. Но, как бы то ни было, помешать Карссу не смог никто, и ровно через семнадцать минут после того, как имперские десантные катера вошли в верхний ангар и вышли из режима «исчезновения реальности», объединённая группа захвата, состоящая из ста шестидесяти опытных профессионалов, мастеров секретных операций, обученных действовать в лю-

бой обстановке, ворвалась на уровень № 49 – уровень планеты Земля.

Часть сварогов заняли ключевые точки у центрального коммуникационного ствола, перекрывая подходы к лифтам, зонам телепорта и лестницам. Часть – «машинный зал» и ещё несколько важных, по мнению руководства операции, помещений. Остальные, стараясь передвигаться максимально бесшумно, направились в жилую зону.

Люди обитали компактно, занимая ничтожное пространство сорок девятого уровня. Это весьма облегчало задачу, поскольку не требовало распыления сил и лишней суеты. Можно было нейтрализовать всех сразу и почти одновременно.

Женя Аничкин очнулся от жуткой боли.

Казалось, в каждый квадратный миллиметр его тела какой-то умелец-садист воткнул по раскалённой игле и медленно, с наслаждением, погружает всё глубже и глубже.

Однако по какой-то причине Женя твёрдо знал, что издавать звуки нельзя. Ни стонать, ни кричать. Терпеть молча. Чего бы это ни стоило.

Почему?

«Очень просто, – быстро пришла мысль-объяснение. – В тебя на вахте пальнули из парализатора. Отсюда и эта боль. Так всегда бывает, когда стреляют из парализатора. Надо только потерпеть, и боль уменьшится, а скоро и совсем исчезнет. Ты в Пирамиде, она быстро вылечит. Уже лечит, ина-

че ты бы не очнулся так быстро. Так что терпи, кричать и сто-
нать нельзя. Карсс оказался предателем, и нельзя подавать
вида, что ты очнулся. Карсс оказался предателем, а ты иди-
отом. Хуже, чем идиотом. По инструкции, вахтенный обя-
зан перекрыть вход в «машинный зал» и завернуть всякого,
кто попытается сюда попасть без предварительного согласо-
вания. Ты это сделал? Нет. Посчитал не важным. Instruc-
ции и уставы, мол, для лохов пишутся, а ты человек с поня-
тиями, опытный. Да и кого опасаться? Вот и попался, как кур
в ошип. К слову, не в первый раз. Киркхуркхов помнишь?
Захват катера. Второй раз на те же грабли. Или почти на те
же, разница в данном случае несущественна, потому что ре-
зультат один – тебя поймали. Нагло и в открытую».

Ему стало так нестерпимо стыдно, что даже боль ушла ку-
да-то на дальний план. Надо было срочно исправлять допу-
щенные ошибки, и Женя Аничкин постарался это сделать.

Первым делом приоткрыл глаза и, не поворачивая головы,
как мог, огляделся.

Он лежал на полу в «машинном зале». Прямо перед ним,
в кресле вахтенного, склонился над прозрачной контактной
доской-экраном Карсс Оргом. Предатель Карсс Оргом. Ря-
дом с ним, сбоку и сзади, стояли вооружённые свароги. Не
просто вооружённые. По их обуви, комбинезонам и снаря-
жению, по тому, как парни держались, сразу было видно, что
это профессиональные солдаты. Что-то типа инопланетного
спецназа. Значит...

«Значит, это захват, — подумал он. — Наверняка наших уже поздно предупреждать. А может, и нет. Но как это сделать?»

Он лежал на левом боку и теперь, когда боль чуть уменьшилась, ощутил под мышкой кобуру с родным «Walther P99».

Вахтенный обязан иметь при себе оружие.

Слава богу, эту инструкцию он нарушать не стал. И поступал так же, как все остальные — носил при себе любимый пистолет. Потому что он хоть и не сравнится с плазменной винтовкой в поражающей силе и общей продвинутости, но зато лёгкий, удобный и привычный. А винтовку под курткой не спрячешь.

«Они что, меня не обыскали? Выходит, нет. Значит, не только я бываю лохом. К тому же Карсс наверняка не учел, что Пирамида не даст человеку долго проваляться без сознания. Слишком мало он здесь пробыл. Ну ладно, раз так...»

Стараясь двигаться как можно незаметнее, Женя нащупал рукоятку пистолета. Он знал, что патрон в стволе. И нужно только успеть сдвинуть предохранитель и выстрелить. А там... А там уже плевать.

Он успел. Даже дважды.

Получилось не совсем так, как хотелось. В последнее мгновение сварог, стоящий за спиной Карсса, что-то почувствовал или заметил краем глаза какое-то движение; шагнул вперёд, оглядываясь и закрывая своим телом Волю и Слово Императрицы.

Девятимиллиметровая пуля, выпущенная с расстояния три с лишним метра, попала ему точно под лицевой щиток шлема, выбила три верхних зуба, прошла сквозь нёбо и мозг, пробила изнутри затылок и застряла в шлеме.

От выстрела сварог качнулся назад и уже мертвым, с залитым кровью лицом, повалился на Карсса, по-прежнему закрывая его собой.

Женя потянул на себя спусковой крючок ещё раз.

Он уже понимал, что не достанет Карсса Оргома. Но нужно было пытаться, и он пытался. Пуля попала мёртвому сварогу в грудь, пробила она защитный комбинезон или нет, Аничкин не понял.

А третьего выстрела он сделать не успел.

Другой сварог, очень даже живой, проворно вскинул к плечу плазменную винтовку, и последнее, что увидел Женя в этой жизни – ослепительный и жгучий свет, заливший всё внутри и снаружи...

Сергей Вешняк открыл глаза и прислушался. Тихо, как всегда. Что его разбудило? Всегда спал, как сурок, а тут – на тебе. Сна ни в одном глазу. И тревожно как-то. Сосёт под ложечкой. Знакомое ощущение, между прочим. Такое с ним часто бывало на фронте – предчувствие близкой опасности. Скажем, внезапного артобстрела. Или минного заграждения впереди по ходу разведрейда. Никогда это предчувствие его не подводило. Потому и жив до сих пор.

Он поднялся с постели, быстро оделся, секунду подумал,

взял автомат, передёрнул затвор и вышел в коридор. Посто-
ял, раздумывая.

Ночь глухая, все спят, и только сержант Сергей Вешняк торчит посреди коридора, баюкая, как ребёнка, автомат (патрон в стволе, предохранитель снят, и не «ППШ» это – «АКМ» калибром 7,62 мм, чья пуля за малым не пробивает рельс). Увидит кто – сильно удивится. Но кто увидит, если все спят? Кому и зачем шляться ночью по Пирамиде? Разбудить товарища лейтенанта? Глупо. Что он ему скажет? Проснулся от нехорошего предчувствия, взял автомат и сразу пошёл будить командира. На предмет узнать, всё ли в порядке и нет ли каких приказаний. Оно, конечно, Велга не осудит и даже, возможно, не пошлёт куда подальше и не станет смеяться. Но дыхнуть точно велит. А когда убедится, что спиртным от сержанта не пахнет...

Шаги. Быстрые и осторожные. Впереди, за углом. Слева. И не один человек идёт. Несколько.

Вешняк быстро и бесшумно отступил к своей двери, вскинул автомат, на секунду пожалев, что не взял плазменную винтовку. И тут же из-за угла вывернула группа сварогов в полном боевом снаряжении. Он сразу их узнал. Как-никак встречались. А узнав, не стал медлить и задавать вопросов. Упал на правое колено и, крепко прижимая автомат к плечу, дал длинную безжалостную очередь.

Сварогов было шестеро. Трое упали сразу, почти одновременно, срезанные пулями со стальными сердечниками,

выпущенными с расстояния вряд ли превышающего десять метров. Четвёртый чуть погодя. Остальные двое, демонстрируя похвальную реакцию и выучку, успели нырнуть обратно за угол. Впрочем, одного из них, как показалось сержанту, все-таки задело пулей. К грохоту выстрелов присоединились вопли раненых. Взыла сирена боевой тревоги.

«Вот и кончилась спокойная ночь, – подумал Вешняк, скрываясь за дверью. – И жизнь, пожалуй, тоже.

Пронзительный вой боевой тревоги вырвал Мартина Станкевича из сладкого сна, словно рука хозяйки морковку из грядки. Марта уже сидела на постели, и Мартину бросились в глаза сразу две вещи, плохо сочетающиеся между собой: обнажённая грудь любимой, с торчащими вверх сосками и какая-то необыкновенно острая безнадёжная печаль, разлитая по её лицу.

– Что случи... – начал, было, он, но закончить вопрос не успел.

Взрывом снесло входную дверь, и в комнату тут же ворвался злой многоголосый крик, топот ног и слепящий свет фонарей.

Мартин увидел, как метнулась с кровати к оружейному шкафу обнажённая Марта. Не раздумывая, он скатился на пол и с низкого старта, как был, голым, кинулся вперёд, на тёмный человеческий силуэт, который был ближе.

Силуэт явно не ожидал такой прыти, и Мартину удалось свалить его на пол. Он даже почти успел вырвать из чужих

рук оружие, когда три ярчайшие молнии ударили в него одновременно с трёх сторон. Он прожил ровно столько, чтобы услышать, как страшно закричала Марта...

– Готовы, – сообщил один из сварогов, сняв боевую перчатку и пощупав пульс у обоих (анатомия сварогов практически не отличалась от человеческой). В эту же секунду умолкла сирена, поэтому вышло громко. – Хорошо стреляете, господа, – он сбавил тон. – У обоих дырка вместо сердца.

– Везунчик говорил, эта херовина, Пирамида то есть, любые раны лечит, – заметил кто-то.

– Только не такие. Разве что почти мгновенная криогенная заморозка...

– Делать нам нечего.

– Везунчик нас не похвалит. Был приказ брать их живыми.

– По возможности, мой друг, по возможности. Ты видел такую возможность? Я – нет.

– Лично я видел, как эти двое целились в нас из импульсников. Мы их буквально на долю секунды опередили.

– Точно! Ещё бы чуть-чуть, и здесь бы мы валялись, а не они.

– Так и было, клянусь Пейаной.

– Всё, господа, запомнили это, и пошли дальше. Работа пока не закончена.

Через несколько секунд комната опустела, и при внезапно загоревшемся свете ламп под потолком некому было увидеть, как кровь из сердца Мартина, растекшись по полу, сли-

лась с кровью из сердца Марты, соединив два тела одной густо-алой протокой.

...В каждом жилом помещении, занимаемом людьми, было четыре выхода. Два – вполне обычные двери в стенах и два – люки в полу и потолке. Спецназ сварогов знал только о дверях (информация о Пирамиде, которую предоставил им Карсс Оргом, не могла быть полной, слишком мало времени провёл здесь Воля и Слово Императрицы в свой первый визит). Поэтому части людей удалось вырваться из смертельных ловушек своих спален живыми и даже невредимыми. Это был почти весь Отряд, а также аналитик Стражи Реальности Влад Борисов, стражник-щупач Оля Ефремова и первобытный охотник Свем Одиночка. Дело в том, что бывшие стражи Реальности инстинктивно держались вместе, так же, как люди из Отряда, в результате чего возникло две группы жилых помещений. Группа Стражи и группа Отряда. Так случилось, что группа Стражи оказалась ближе к нападавшим и приняла на себя удар первой...

...Олю Ефремову спасло то, что она осталась в эту ночь у Велги. Когда началась кровавая заваруха, лейтенант недолго раздумывал.

– Все вниз! – прокричал он в личный коммуникатор, переводя его на общую связь и заблокировав обе двери. – План «Отрыв»!

После чего мгновенно оделся, схватил из оружейного шкафа автомат и протянул Оле плазменную винтовку:

– Это тебе. Из неё стрелять легче, отдача меньше.

– Знаю, – сказала она. – Спасибо. Это нападение?

– Да.

– Кто? Неужели свароги?

– Больше некому.

– Но... как?

– Не знаю. Надеюсь, выясним. Если живы останемся.

Он распахнул люк в полу (часть пола просто ушла в сторону, открыв квадратную дыру, в которую легко мог пролезть человек размером с Мишу Малышева), забросил автомат за спину, повис на руках и спрыгнул на нижний уровень. Оля, не задумываясь, последовала за ним, зная, что внизу её подхватят сильные руки Саши. Так и вышло.

Они проделали эту же операцию ещё три раза и, оказавшись на сорок седьмом уровне, огляделись. Здесь было тихо, словно ничего и не произошло. Сирена к этому времени умолкла.

– Держись за мной, – сказал Велга, переходя на бег. – И стреляй во всё, что движется. Сразу и без разговоров. Если, конечно, это будут чужие.

– Куда мы?

– К центральному стволу. Попробуем прорваться вниз, на минус второй уровень.

– Зачем?

– Ты не читала план «Отрыв»? Всем же рассылали. С подтверждением!

– Извини, как-то всё времени не находилось.

– Ясно. Тогда просто делай, как я.

План «Отрыв» был разработан Советом Пирамиды в лице Мартина Станкевича, Александра Велги, Хельмута Дитца и Влада Борисова совсем недавно, буквально за неделю до нападения. Сделать это предложил Дитц, мотивировав тем, что привык знать пути отхода заранее. Велга поддержал идею, остальным не нашлось, что возразить.

– Нам всё равно, я думаю, придётся разрабатывать со временем серьёзные меры безопасности, – сказал Дитц. – Но пока хотя бы так.

План «Отрыв» был доведён до каждого человека (как теперь выясняется, они думали, что до каждого). По нему, в случае внезапного нападения и невозможности дать противнику мгновенный и смертельный отпор, все должны были прорываться вниз, на второй уровень, к ангару номер семнадцать.

На минус втором уровне, в кубической части Пирамиды, были расположены многочисленные склады, мастерские и транспортные ангары. В том числе ангар № 17, в котором хранился планетолёт. Единственный в Пирамиде космический корабль, оставшийся после ухода Клёны. Если, конечно, не считать самой Пирамиды. План «Отрыв» предусматривал срочную эвакуацию как раз на этом планетолёте. По-

следнее средство спасения, рассчитанное на самый крайний случай. И что-то подсказывало Александру Велге, что этот случай настал.

Со сварогами они столкнулись дважды: недалеко от центрального ствола и уже на минус втором уровне, когда выскочили из лифта (воспользоваться телепортом Велга не рискнул, посчитав, что в имеющихся печальных обстоятельствах данный вид передвижения может быть весьма ненадёжен).

Им повезло. Оба раза это были небольшие группы из трёх и четырёх спецназовцев, без поддержки. Они были прекрасно обучены, отлично вооружены и мотивированы на выполнение приказа от пяток до макушки.

Но они очень плохо знали Пирамиду и явно переоценили свои силы. Соответственно, недооценив силы противника. К тому же среди них не было ни одного из тех, кто двадцать лет назад участвовал в охоте за людьми на Пейане – планете-матери всех сварогов.

Тогда обе космические Империи, «северная» и «южная», понадеялись решить спор между собой при помощи двух взводов разведки – советского и немецкого, выдернутых из-под Курска летом 1943 года. Казалось, что всё получится легко и просто. Каждая Империя делает ставку на один из взводов. Затем русские и немцы дерутся друг с другом. На смерть. Они и так заклятые враги, так что драться станут. Если же вдруг откажутся, найдётся, как заставить (и впрямь нашлось). Выживших победителей обещают вернуть на Зем-

лю (на самом деле, разумеется, никто это делать не собирался), а спорный вопрос решается в пользу той Империи, которая угадала с выбором.

И всё бы ничего, да только в самый ответственный момент советские и немецкие солдаты неожиданно объединились и устроили сварогам самый настоящий ад. В основном «северным», но и «южным» рикошетом тоже досталось.

Так вот, будь среди группы захвата хотя бы один военный, тот ад переживший, он наверняка постарался бы объяснить, до чего опасно недооценивать людей. Но таковых, как было уже сказано, не нашлось. Сам же Карсс Оргом, придумавший, разработавший и осуществивший ту давнюю операцию по умыканию русских и немцев с Земли и затем расхлёбывавший заварившуюся кашу полной ложкой, донести до спецназа эту мысль во всей полноте не мог. По той простой причине, что не считался своим. Да и с какой стати? В контрразведке Везунчик никогда не служил. Вообще не был военным. Начинал карьеру младшим советником Первого министра двора, затем с помощью им же спровоцированных обстоятельств близко сошёлся с принцессой Станой и женился на ней. Когда жена естественным путём из принцессы превратилась в Императрицу Стану Вторую, он, Карсс Оргом, таким же совершенно естественным путём стал её Волей и Словом. Уважаемый сварог, конечно, чего там. И умён, говорят, и даже местами справедлив. Не трус. Но не настоящий мужик по-любому. Настоящий мужик – глава семьи и сам

решает все свои проблемы. А отними у этого тыл, а заодно и фронт, в лице Императрицы (Да здравствует Императрица Стана Вторая! Да здравствует Империя Севера!), что он сможет? Да ничего! Некоторые (их было заметное меньшинство) резонно отвечали, что если у настоящего мужика отнять хорошую жену, то он, пожалуй, тоже мало что сможет. Во всяком случае, поначалу, пока не притерпится к новому положению. Но резонных не слушали.

Поэтому, когда группа спецназовцев из четырёх сварогов (одна из нескольких, посланная на захват и контроль центрального ствола) чуть ли не нос к носу столкнулась с Александром Велгой и Олей Ефремовой, открыть огонь первым успел Велга. Он вообще не задавал себе вопроса, убивать ли ему сварогов сразу или сначала фамилию спросить. Ответ сидел в подкорке – убивать. А Оля, хорошо осознавшая приказ стрелять во всё, что шевелится, от него не отстала.

Разбираться с тем, кого убили, а кого нет, они не стали – прыгнули в первый же скоростной лифт и помчались вниз. Уже здесь, на минус втором уровне, вовремя оказались возле зоны «Нуль-Т», и Велга заметил горящий зелёным индикатор, означающий, что кто-то собрался телепортироваться.

– Готовься! – скомандовал, вскидывая к плечу автомат и опускаясь на колено.

Ольга немедленно последовала его примеру.

Как в воду смотрел лейтенант – разведчик Великой Отечественной. Загудело едва слышно, замерцало радужно поле

«Нуль-Т» переброса, и в тот же момент на круглой площадке возникли три мужские фигуры. Свароги в полном боевом.

Если первая группа хоть как-то отреагировала, столкнувшись с Велгой и Ефремовой фактически во встречном бою (двое из четверых, уже скошенные пулями и плазменными зарядами, выстрелили в ответ, и один даже слегка зацепил Велге плечо), то эта троица не успела вообще ничего.

– Огонь! – скомандовал Велга, одновременно нажимая на спусковой крючок.

Оля уже стреляла.

Грохот, треск разрядов, звон пустых гильз по полу, и вот уже все трое лежат посреди металлического круга зоны «Нуль-Т» кровавой мёртвой кучей, воняющей палёным мясом.

А ещё через десять минут они, более никем и ничем не задержанные, добежали до дверей, ведущих в ангар № 17.

...Маша Князь в эту чёрную ночь была с Хельмутом, и её убили, когда они с Дитцем почти добежали до центрального ствола. Целились в Хельмута, а попали в Машу. Но не потому, что промахнулись. Дитц как раз обернулся на бегу и успел снять выстрелом из плазменной винтовки неосторожно высунувшего из-за угла сворога. Снял вовремя, тот как раз прицелился им в спину. В этот момент в коридор впереди выскочили ещё двое. Дитц их никак не мог видеть. В самом удачном случае заметил бы через секунду, повернувшись. Слишком поздно. И стрелять в них Маше тоже было поздно,

потому что они уже, можно сказать, стреляли. Плазменный убийственный огонь ещё не вырвался из стволов, но пальцы уже вдавили клавиши боевых спусков до упора. Единственное, что оставалось Маше – шагнуть вправо, закрывая собой обер-лейтенанта Хельмута Дитца. Если бы нашёлся кто-то, кто мог спросить: «Маша, зачем ты это делаешь?», она вряд ли сумела бы ответить на вопрос. Зачем? Ответ не в словах – в поступке. Вот она и поступила. Хельмут обернулся ровно в тот момент, когда две, предназначенные ему молнии, вонзились Маше в грудь, забирая её из этой жизни и даруя жизнь вечную.

Через три секунды Хельмут убил обоих и оставил трупы лежать там, где их застигла смерть. Включая труп Маши. Надеясь лишь на то, что Пирамида, возможно, воскресит эту русскую девушку, подарившую ему столько тепла. Хотя Дитц не особо доверял Пирамиде с самого начала. Включая Оскара и Цилю Марковну Перпельпихтер. Разве что в какой-то мере Локотку, да и то лишь потому, что тот не умел разговаривать. А значит, не мог и соврать. «Эту штуку придумали и сделали не мы, – не раз говорил Хельмут, особенно слегка приняв за дружеским столом. – И контролировать её на сто процентов не можем. Возможно, когда-нибудь... Но не сейчас. И вообще, техника есть техника. Однажды обязательно подведёт. Так или иначе. Это закон».

Вот и подвела.

И кто был прав?

Дитц прекрасно знал все контраргументы. При чём здесь Пирамида? Сами, мол, виноваты, надо было сначала идеально систему защиты и контроля отладить, а потом уж всегалактическую конференцию назначать. Пирамида и всё, что в ней находится, это только инструмент, средство... и прочее бла-бла-бла. Плевать на них, на контраргументы то есть. Факт остаётся фактом. Инструмент подвёл, и доверия ему быть не может.

Он только закрыл Маше глаза, секунду над телом одними губами шепнул «Прощай» и, с третьего шага переходя на бег, двинулся дальше.

По дороге на минус второй уровень Хельмут встретил Вальерку Стихаря, Нэлу, Карла Хейница, Руди Майера и Курта Шнайдера. Вместе они убили ещё шестерых сварогов, нескольких ранили и прибыли в ангар номер семнадцать ровно через две минуты после Саши Велги и Оли Ефремовой. Все в чужой крови и злые, какой бывает разведка, возвратившаяся из рейда без языка, но с большими потерями.

...Никита Веденеев погиб, когда пытался прорваться в «машинный зал». Он помнил, что по плану «Отрыв» нужно пробиваться на минус второй уровень и прекрасно знал, что значит приказ. Но так бывает. Человеку кажется, что приказ неверный или не совсем верный и если проявить инициативу, смекалку, ловкость и немного храбрости, то можно исправить ужасную ситуацию и превратить поражение в победу. В зал ему прорваться не удалось. Даже перешагнуть по-

рог не вышло. Нарвался сразу на боевую группу спецназовцев-сварогов, успел швырнуть в них термогранату, гарантированно сжигающую всё живое и неживое в радиусе десяти метров, затем отступил через пустое помещение кают-компаний, и тут ему выстрелили в спину. Стрелял командир второй группы сварогов, проникшей в кают-компанию с другой стороны. Выстрел был точным...

– Где Малышев и Аня с Лизой? – Велга обвёл глазами боевых товарищей. – Кто-нибудь их видел?

Они сидели в рубке планетолёта, у которого пока не было названия. Сам планетолёт, напоминающий гигантскую, вытянутую вдоль продольной оси на сто пятьдесят три метра морскую раковину (сорок два в миделе и шестьдесят в самой широкой хвостовой части), висел поддерживаемый отрицательным гравитационным полем, невысоко над полом ангара номер семнадцать. Они – это Александр Велга, Хельмут Дитц, Сергей Вешняк, Руди Майер, Валерка Стихарь, Курт Шнайдер, Карл Хейниц, Нэла, Свем Одиночка, Ольга Ефремова и Влад Борисов. Все, кто сумел прорваться на минус второй уровень Пирамиды, к ангару номер семнадцать.

Информация, которую удалось к этому времени получить, не утешала. По всему выходило, что Пирамида захвачена, и многие их товарищи убиты – идентификационные сигналы, идущие от каждого живого существа в Пирамиде, не поступали от Мартина Станкевича, Марты Явной, Жени Аничкина, Марии Князь и Никиты Веденеева. Почему это слу-

чилось, они сейчас не обсуждали. Случилось. Теперь нужно было думать, как спасти то, что ещё можно было спасти.

Все молча покачали головами. Коммуникаторы Миши и Ани молчали, хотя идентификационные сигналы, свидетельствующие о том, что они и Лиза живы, были получены три минуты назад, когда бортовой компьютер отключили от информационной сети Пирамиды, чтобы отрезать к нему доступ извне. Тогда же, ещё до отключения, оставшиеся в живых успели рассмотреть картинку, полученную с внешних сканеров: четыре десятка десантных космокатеров, полным ходом идущих к Пирамиде от двух имперских линкоров. Много. Гораздо больше, чем хотелось бы видеть.

– Пирамиду мы потеряли, – сказал Дитц. – Всё. Надо уходить.

– Без Малышева и Ани мы не уйдём, – сказал Велга. – Они живы. Ты сам видел.

– Тогда уйдут нас, – едва заметно пожал плечами Хельмут. – Пока свароги ещё не поняли, где мы. Но очень скоро догадаются. Или определяют. Циля Марковна подскажет. Сука такая. И тогда... Машу они не пожалели. И остальных. С чего ты взял, что пожалеют нас?

– Пробриться наверх нереально, товарищ лейтенант, – тихо сказал сержант Вешняк. – Нас слишком мало.

– Хуже всего, что они взяли под контроль Цилю Марковну, – подал голос Влад Борисов. – Иначе можно было бы, например, использовать боевых роботов.

– Знаю! – крикнул Велга. Зло и громко.

– Саш, давай руку перевяжу, – тихо сказала Нэла. – У тебя кровь из плеча сочится.

– Все системы приведены в готовность, – доложил Карл Хейниц. – Можно стартовать.

С первых дней пребывания в Пирамиде он и Оля Ефремова оказались самыми способными учениками-пилотами. Если не считать Никиту Веденеева. Но Никита на минус второй уровень не прорвался...

– А, чёрт, – Хельмут встал с кресла и перехватил поудобнее плазменную винтовку. – Хрен с ним со всем. Влад, Оля, улетайте, кто-то должен выжить и всё рассказать. Хоть я и не знаю, кому. Ты, Свем, тоже лети, это не твоя война. Нэла... Самое время вернуться к своим. Видишь, как всё обернулось. Остальные пусть решают добровольно. Мы с Сашей идём наверх. Тридцать секунд на размышление. И да, Нэла, перевяжи ему руку уже. Только быстрее.

Майер, Вешняк, Хейниц, Шнайдер и Стихарь встали.

– А по морде? – ласково осведомилась Нэла, поднимаясь. – И ведь не посмотрю, что ты целый обер-лейтенант. Это я насчёт того, чтобы мне вернуться сейчас к своим, – добавила она. В руке феи возник зелёный бинт, сочетающий в себе перевязочные, антибактериальные и регенерационные свойства одновременно. Нэла шагнула вплотную к Велге и без церемоний стянула с него верхнюю часть комбинезона. Под ним обнаружилась гимнастёрка с орденом Красной Звезды

над левым карманом и двумя «кубарями» в петлицах. Левый рукав гимнастёрки был сожжен в районе плеча, кожа под ним покрыта чёрной запёкшейся и алой свежей кровью.

– И гимнастёрку снимай. Оля, скажи ему.

Оля обернулась. Велга неловко потащил через голову гимнастёрку.

– По-моему, нас хотят обидеть, – сказал Борисов и тоже поднялся. – Оля, Свем, как думаете?

Ответить никто не успел.

– Гляньте! – воскликнул Валерка Стихарь, хватаясь за автомат. – Что за...

Закрытая дверь рубки, превосходящая по прочности любую земную броню, невысоко от пола бесшумно, как будто была сделана из пластилина, вспучилась в нескольких местах. И в то же мгновение, пройдя в прямом смысле слова сквозь дверь, но при этом её не повредив (вспученные места, как в кино, вернулись на место), перед глазами изумлённых людей предстал Локоток.

– Внимание! – произнёс маленький искусственный человечек бесцветным голосом. – Передаю послание.

Сейчас же из скрытого динамика (видимого рта, как, впрочем, глаз, носа и ушей у Локотка не было) раздался голос Малышева.

– Это Малышев. Мы с Аней и Лизой забаррикадировались на четвёртом уровне, в оружейном складе. Прорваться к вам не можем, окружены со всех сторон. Карсс лично обе-

щал нам жизнь, если мы добровольно сложим оружие и сдадимся. Ему нужны те, кто знает Пирамиду и способен вести переговоры с Землёй. Улетайте, о нас не думайте. Мы с Аней всех обнимаем.

И тут же вступила Аня:

– Ребята, дорогие, мальчики и девочки, все, кто выжил, улетайте немедленно. Карсс Оргом сам боится того, что натворил. Он лично не хотел никого убивать, но так вышло, как он утверждает. Теперь до смерти боится вас. А мы боимся, что его страх пересилит благоразумие, и он уже осознанно отдаст приказ вас уничтожить. О нас не беспокойтесь. Мы выживем. Обещаю. Мы ему нужны. И верю, что мы встретимся. Отпустите Локотка, он единственный, кто остался здесь на нашей стороне. Всех люблю и целую. Пока. И – да. Мы с Мишей думаем, что свароги не станут делиться Пирамидой ни с кем. А значит, скорее всего, отправятся на ней на Пейану...

Локоток умолк.

Нэла закончила перевязку и шагнула назад.

– Одевайся.

Велга надел гимнастёрку, недовольно покосился на рваный окровавленный рукав, натянул комбез, левый рукав которого был тоже прожжён, но самовосстанавливающийся материал уже делал своё дело. Поймал взгляд Дитца. Присутствующим показалось, что лейтенанты безмолвно обменялись мыслями.

– Правильное решение! – воскликнул Валерка Стихарь. – Помню, как-то в Ростове, на набережной, схлестнулись мы с кодлой шпаны с Нахаловки...

– Валера! – сказал Велга.

– Молчу.

– По местам, – приказал Дитц. – Стартуем.

Он посмотрел на Локотка.

– Локоток, возвращайся к Мише и Ане и скажи им, что мы обязательно вернёмся. Главное, чтобы они остались в живых. Во что бы то ни стало. Так и передай. Главная задача – остаться в живых. Всё, беги. Времени нет.

Локоток кивнул, повернулся к дверям рубки, прошёл сквозь них и пропал с глаз.

Глава третья

Адмирал Ттафу Монджа как раз собирался отдать приказ на сближение с Пирамидой, когда поступило срочное сообщение от разведчиков, и тут же, в подтверждение, на обзорный экран прыгнула чёткая картинка.

– Наблюдаем неизвестный объект, покидающий Пирамиду! Судя по виду – космический корабль.

– Вижу, – буркнул Ттафу, не отрывая глаз от обзорного экрана. На картинке было хорошо видно, как в верхней части кубического основания Пирамиды появился широкий проход, и оттуда медленно и даже величественно выплывало в открытый космос нечто и впрямь похожее на космический корабль. Не потому, что адмирал уже видел такие корабли. Наоборот. Ничего подобного он никогда не видел (больше всего эта штука напоминала адмиралу длинную морскую раковину – та же изящная симметрия и выверенность пропорций, наряду с непонятными, но красивыми выростами по бокам и чуть ближе к хвостовой части). Просто, чем же это ещё могло быть, если не космическим кораблём?

– Карсс Оргом на связи, – раздался в наушниках голос Везунчика.

– Слушаю вас, – ответил адмирал.

– Доложите обстановку.

Адмирал доложил, что наблюдает похожий на космиче-

ский корабль объект, который покидает Пирамиду.

– Отставить. Уже покинул, – добавил он. – Отходит в сторону. Удаляется. Пока медленно. Я готов атаковать. Жду ваших приказаний.

Карсс Оргом не знал, что ему делать. Только что он устроил безобразную сцену начальнику военной контрразведки Эркке Адальму, и теперь ему было стыдно. Не за сцену. За собственное бессилие. Снять Эркке Адальма с занимаемой должности и даже отдать под суд было в его власти. Формально. Но что дальше? Эркке был высоким профессионалом и, главное, сумел наладить взаимодействие с «южанами», что сейчас было очень важно. Хорошо, он уговорит жену его убрать. Кем заменить? Тупым исполнителем, боящимся проявить малейшую инициативу, лишь бы только не вызвать гнева Воли и Слова Императрицы? Глупо. Глупо и недальновидно. Пойдут разговоры. В глаза не скажут, а вот по углам зашепчутся, что Везунчик постарел и поглупел. Наказывает тех, кто приносит Империи несомненную пользу. И за что? За небольшое отступление от приказа, благодаря которому важнейшая задача была выполнена быстро, чётко и с относительно малыми потерями.

Вот и получается, что он, Карсс Оргом, бессилен. При всей своей, казалось бы, неоглядной власти. Только и остаётся, что безобразные сцены разыгрывать. Хотя, если успокоиться и подумать, безобразную сцену иногда разыграть тоже не помешает.

– Разрешите доложить. Я не считаю своих бойцов виновными, – катая желваки на щеках, ответил начальник военной контрразведки, после того, как Карсс потребовал головы тех, кто непосредственно убивал землян.

– Они нарушили мой приказ брать людей живыми.

– Они сделали главное – захватили Пирамиду. И многие отдали за это свои жизни, замечу. К тому же из пятерых погибших людей как минимум трое были убиты группами захвата «южан». Это так, к сведению. Их тоже накажем?

– Жду от вас подробнейшего отчёта, – буркнул Карсс. – По минутам. Кто, где, когда и как? Это понятно?

– Так точно. Завтра же предоставляю. Разрешите идти?

– Идите.

Эркке Адальм уже дошёл до дверей, когда Карсс негромко сказал в его прямую спину:

– Подождите.

Эркке остановился, повернулся всем телом:

– Слушаю.

– Не завтра, – сказал Карсс. – Сегодня вечером.

В глазах контрразведчика, прежде чем отвёл их в сторону, мелькнула растерянность, сменившаяся сильнейшим раздражением.

«Вот теперь правильно», – подумал Карсс.

– Есть, – коротко кивнул Эркке. – Что-нибудь ещё?

– Всё. Свободны.

И вот она, эта трудная минута, – Карсс Оргом смотрит,

как стремительно удаляется от Пирамиды космический корабль с оставшимися в живых людьми на борту и пытается быстро решить, что ему делать.

Варианта, как это чаще всего и происходит, всего два.

Первый: всех убить.

Второй: позволить им уйти.

Пискнул сигнал срочного вызова, и на экране возникло недовольное лицо Первого Советника императора «южан» Леслата Пятого Гридле Миммера. Был он старше Карсса на десяток лет, жирен, нагл и предельно циничен. Ходили слухи, что свой высокий пост Гридле получил не за выдающийся ум или уникальные аналитические и организационные способности, а из-за умение угодить Императору в его самых низменных сластолюбивых потребностях. После смерти жены, случившейся семь лет назад, Леслат Пятый, судя по тем же слухам, ударился во все тяжкие и с одинаковой благосклонностью принимал у себя доставляемых ему Первым Советником девочек и мальчиков в возрасте, едва дотягивающем до категории «юность». Однако на людях он появлялся только со зрелыми фаворитками-любовницами. Во всяком случае, достигшими совершеннолетия. Поэтому слухи оставались слухами.

И, как бы то ни было, все знали, что единственную свою двенадцатилетнюю дочь, принцессу Ченри, Император очень любил, души в ней не чаял, пылинки сдувал и очень боялся пасть в её глазах и потерять свой отцовский и импе-

раторский авторитет.

– Земляне уходят, – сказал Гридле Миммер. – Ты намерен что-нибудь предпринять?

– Что именно?

– Например, сжечь их. Пирамида же на это способна?

– Наверняка. Но я не могу отдать такой приказ.

– Почему?

– По техническим причинам, – соврал Карсс. – Мы здесь пока не полные хозяева.

– Тогда прикажи сделать это Ттафу Монджа. Надеюсь, у имперского линкора «Ярость Севера» хватит огневой мощи?

– Все меня сегодня так и норовят обидеть, – скучным голосом произнёс Карсс. – День, что ли, такой... У вас тоже, кажется, есть линкор. Вот и пошли его. Если, конечно, ему хватит огневой мощи.

– Давай вместе, – пожевав губами, предложил Гридле.

– Нет уж, – покачал головой Карсс.

– Испугался?

– Примитивно, Гридле, – поморщился Карсс.

– А, ну да, я и забыл, у тебя же там, наверное, друзья, – ухмыльнулся Первый Советник.

– Думай, что хочешь. Но лучше всего о том, что ты скажешь Императору, если эта морская раковина огрызнётся. Больно.

– Она может?

– Да я сам не знаю пока, – опять соврал Карсс. Он уже

знал. «Раковина» и впрямь могла огрызнуться, но против имперского линкора она не тянула. Класс не тот. Если, конечно, верить Циле Марковне (Карсс решил, что переименовывать Центральный Мозг Пирамиды не имеет смысла).

– Ясно, не хочешь рисковать.

– А зачем? Пирамида в наших руках, и это главное. Пусть летят, куда хотят.

– Кстати, я слышал, что двоих удалось взять живыми?

– Тебе-то что?

– Ну как же. Вся добыча у нас теперь общая. Пирамида и всё, что в ней. Забыл?

Карсс ничего не ответил. Молчал и смотрел на Гридле. Так в последний месяц осени смотрят из окна глайдера на унылые холмистые равнины старушки Пейаны, расположенные к югу от древней столицы Северного континента.

Гридле не опустил глаз. Однако изобразил на лице широкую открытую улыбку.

– Ладно, – сказал он. – Сам с ними возись, мы не претендуем. Кстати, команда наших инженеров, техников и навигаторов уже землю роет, жаждет добраться до чудес Пирамиды.

– Наши тоже, – сказал Карсс. – Пусть ещё немного потерпят. Спецназ должен убедиться, что здесь полностью безопасно. Кстати, сам-то ты не хочешь глянуть на эти чудеса?

– Спасибо, мне пока и здесь хорошо, – ухмыльнулся Гридле. – Перегоним игрушку на Пейану, там и полюбуюсь.

– Ну, как знаешь. До связи.

– До связи, – буркнул Первый Советник и пропал с экрана.

– Адмирал! – позвал Карсс. – Это Карсс Оргом.

– Слушаю вас.

– Пусть земляне уходят. Они уже не представляют для нас никакой опасности.

Мысль о том, чтобы намекнуть Везунчику о событиях двадцатилетней давности, когда всем тоже казалось, что земляне не представляют никакой опасности, адмирал Ттафу Монджа подавил в зародыше. Он дорожил своей карьерой и рассчитывал на её блестящее продолжение...

...Света далёких, но многочисленных звёзд в этой части галактики едва хватало, чтобы Пирамида была видна простым глазом. Видна слабо и недолго. Оля и Карл прибавили тягу, и вскоре Пирамида исчезла, поглощённая вечной космической тьмой, словно песчинка, канувшая в пучину океана.

«Да нет, куда там, – подумал Велга, – масштаб песчинки и океана хотя бы представить можно. А эти расстояния и размеры и не помещаются в человеческой голове».

– Я всё жду погони, – сказал он.

– Её нет, – ответил Карл Хейниц.

– И слава богу, – сказал Вешняк.

– А если бы была, – поинтересовался Руди Майер. – Мы бы отбились?

– Вряд ли, – сказал Хейниц.

– Да ну, – удивился Майер. – Когда это мы не отбивались?

– Это не Клёнья, – сказала Оля Ефремова. – Машина хорошая, но с нашим живым звездолётом не сравнить.

– Кстати, о полётах среди звёзд, – промолвил Влад Борисов. – Кто-нибудь знает, куда мы летим?

– И откуда, – нервно хохотнул Курт Шнайдер.

– Плевать, – сказал Дитц. – Не всё ли равно?

Велга покосился на Дитца. Друг Хельмут сидел, сгорбившись, в кресле и смотрел куда-то в сторону пустым взглядом льдисто-голубых глаз. На его лице, руках и груди темнели высохшие пятна крови. Крови сварогов и Маши.

– Вешняк, – негромко позвал Велга.

– Слушаю, товарищ лейтенант, – немедленно откликнулся сержант.

– Выпить-закусить здесь есть? Надо бы помянуть товарищей наших. Как положено.

– Э...

– Тащи. Никогда не поверю, что ты не сделал запаса на всякий случай.

– Я помогу, – поднялся Валерка Стихарь.

– И я, – сказал Руди Майер.

Все трое вышли из рубки.

Велга встал, подошёл к Хельмуту, тронул его за плечо, наклонился, спросил тихо:

– Ты не помнишь, где здесь туалет?

– Что? – переспросил Дитц.

Александр повторил вопрос.

– Помню. Кажется.

– Пойдём, покажешь. Я забыл. Надо привести себя в порядок.

– Думаешь, надо?

– Уверен. Пойдём, пойдём.

Секунды три или четыре Хельмут не двигался, продолжая глядеть куда-то вглубь себя. Потом едва заметно вздохнул и выбрался из кресла.

– Да, ты прав, – сказал он. – Пойдём.

Велга хорошо помнил, где здесь туалет. Он бывал на борту планетолёта и даже, так же, как все, изучал его устройство. Не досконально, понятно, но всё же. Ему нужно было как-то отвлечь Хельмута, заставить его двигаться, что-то сделать, прийти в себя. И это Александру удалось. Обратно Дитц вернулся с чистыми руками и лицом и даже причёсанными волосами.

В рубке имелся откидной стол, который немедленно приспособили к делу. Вешняк нарезал хлеба и сала. Валерка и Майер разлили по стаканам водку. Карл и Оля присоединились к остальным.

– Всё равно пока непонятно, куда рулить, – сказал Хейниц.

– То есть? – спросил Велга.

– Бортовой компьютер пытается понять, что нам нужно, –

пояснила Оля Ефремова. – Проблема языка, в основном. Русский в него заложен, но не всё оптимизировано. Какое-то время это займёт. Да и потом... Штурвал крутить по-любому не надо. И на педали нажимать тоже.

– Да, – вздохнул Велга. – Казалось бы, давно пора привыкнуть ко всем этим автоматическим штучкам, а не могу.

– Мы люди аналогового века, – сказал Борисов, – а Оля уже больше века числового. Мы никогда не привыкнем. Даже мне трудно, а уж вам...

– Почему? – удивился Карл Хейниц. – Я привык. И мне это всё страшно нравится.

– Значит, у тебя врождённый талант, – сказал Борисов.

– Я тоже привык, – сказал Свем Одиночка, которому, по его просьбе, налили в стакан сладкую газированную воду и добавили туда каплю водки. – Когда духи покорно служат человеку – это хорошо. А к хорошему человек привыкает легко и быстро.

– Мудрое замечание, – промолвил Борисов.

Помянули погибших товарищей, закусили, ещё раз помянули и снова закусили. Разлили по третьей.

– Я скажу, – поднялся Дитц и умолк, собираясь с мыслями.

Все выжидающе смотрели на него. Было слышно, как что-то тихонько пощёлкивает в недрах пульта управления да мерно и басовито гудит далеко за переборками, в хвостовой части, двигатель корабля.

– Это мы виноваты в том, что произошло, – наконец, сказал обер-лейтенант. – И в первую очередь лично я.

– Хельмут... – начал Борисов.

– Одну минуту, Влад. Не перебивай. Если враг неожиданным ударом захватывает укреплённый населённый пункт, значит, разведка просрала всё, что только можно просрать. Здесь находится семеро фронтовых разведчиков. Профессионалов. Среди них два офицера, получивших соответствующее образование и за плечами которых немалый боевой опыт. Один из этих офицеров – я. Офицер, или, как сказал бы Саша, командир, обязан просчитывать возможные события на несколько ходов вперёд. И принимать соответствующие меры. Я эти события не просчитал, мер не принял, поэтому считаю себя виноватым.

– Ты прав, – сказал Велга. – Мы слишком расслабились. Забыли, кто такие свароги. Посчитали, что если мы владеем Пирамидой, то нам сам чёрт не брат. Позор. Непростительно.

Солдаты молчали. Чувствовали, что время говорить всем ещё не прошло.

– Сделанного не воротишь, – продолжил обер-лейтенант, крепко – аж костяшки побелели – сжимая в руке стакан с водкой. – А позор смывается только кровью. Лучше всего кровью врага. Поэтому даю слово немецкого офицера, что не будет мне покоя, пока мы не отобьём Пирамиду обратно вместе с оставшимися там Мишей, Аней и их дочерью Лизой

и не отомстим сварогам за смерть наших товарищей.

– Даю слово командира Красной Армии, – поднялся Александр Велга.

– Слово гамбургского докера, – сказал Руди Майер и тоже встал.

– Слово ростовчанина, – поддержал Валерка Стихарь. – Пусть мне никогда больше не увидать левбердона.

– Слово солдата, – поднялся Курт Шнайдер. – Один раз мы им вставили. Вставим и во второй.

– Слово русского крестьянина, – сказал Сергей Вешняк.

– Слово берлинца, – поддержал его Карл Хейниц. – И я готов возразить господину обер-лейтенанту. Это не было военной хитростью, поэтому не стоит так уж себя винить. Нас просто взяли и предали. Такое прощать нельзя.

– Они убили моих друзей, – поднялся Влад Борисов. – Даю слово Стража Реальности, что предатели жизнью заплатят за это.

– Слово русской женщины, – сказала Оля Ефремова.

– Слово феи, – сказала фея Нэла. – Я не кровожадна, вы знаете. Но это не тот случай.

– Слово охотника, – сказал Свем Одиночка. – Или умрут они, или я.

Стаканы сдвинулись с глухим стуком. Все выпили, сели и потянулись к закуске.

– Скажи, Серёжа, – обратилась к Вешняку Нэла. – Как крестьянин фее. Как это ты смекнул заранее сюда водку и

хлеб с салом притаранить? Прямо чудеса предвидения.

– Попашешь с моё землю да повоюешь, ещё не такая смекалка вырастет, – под дружный смех товарищей ответил Вешняк. – Продуктов-то здесь хватает. Штатных. Я и раньше проверял. А вот беленькой, чёрного хлеба и сала не было. А ну как завтра в поход? Куда ж без них солдату? Так и вышло.

– И много припас? – поинтересовался Шнайдер.

– С какой целью интересуешься?

– Хочешь я скажу, с какой? – подмигнул Валерка.

– Да ладно, – не поверил рыжий Курт. – Скажет он. Прямо вот так возьмёт и скажет.

– Бьёмся об заклад? – сощурился Валерка.

– Пари? Давай. На что?

– Если угадаю, ты отдаешь мне свой портсигар. Не угадаю, забираешь мою финку.

Стихарь отцепил от ремня и положил на стол свою знаменитую, бритвенной остроты, финку в кожаных ножнах. Когда-то он носил её в сапоге, но те времена давно прошли. Шнайдер хмыкнул, полез в карман и выложил красивый серебряный портсигар. Остальные с интересом следили за происходящим.

«Только что эти люди дрались, вскочив посреди ночи с постели и едва избежали смерти, – думал Влад Борисов. – Потеряли товарищей. Дальнейшая их судьба и моя тоже – в полнейшем мраке. Мы висим где-то посреди галактики, запертые в космическом корабле, который сделан миллион лет

назад неизвестной расой, и мы не очень понимаем, как им управлять. Если бы меня спросили о наших шансах просто выжить, я оценил бы их примерно так – один к тысяче. Тем не менее эти люди не рвут волосы на голове, не истерят и даже не напиваются в хлам, чтобы забыть об окружающей их действительности и совсем не радостных обстоятельствах. Нет, они заключают пари о какой-то ерунде и даже смеются. Удивительно. Никогда мне их не понять. Я прожил интересную и непростую жизнь, побывал в серьёзных переделках, в конце концов, дрался с вельхе на средневековых стенах Брашена. Но, видимо, этого мало. Чтобы их понять, нужно пройти такую войну, какую прошли они, и пережить то, что пережили они после той войны. Другой бы сказал, что они просто очерствели сердцем и ко всему привыкли, но я точно знаю, что это не так».

– Я слушаю, – сказал Шнайдер.

– Ты тоже сделал нычку, – сказал Валерка. – Шнапс и консервы. И спросил, чтобы прикинуть, когда до них дойдёт очередь. С большой надеждой, что вообще не дойдёт.

Руди Майер оглушительно захохотал.

– Вот дьявол, – сказал Курт. – Ты что, следил за мной?

– Больно надо, – Валерка сгрёб портсигар, открыл, достал сигарету, прикурил, спрятал портсигар в карман. – Догадался. У нас двое таких запасливых – Вешняк и ты.

– Ну и ладно, – пожал плечами Шнайдер. – Всё равно этот портсигар дубликат. Сделал на всякий случай.

– Вот об этом я и говорил, – засмеялся Валерка, забирая со стола финку и вешая её на ремень. – А финка моя в одном экземпляре. Эх, жаль, кончилась лафа. Эта посудина всем хороша, но не Пирамида, придётся обходиться тем, что есть.

– Кстати, о посудине, – сказал Дитц. – Как далеко мы можем на ней улететь? Насколько я помню, это не Клёнья.

Со стороны пульта что-то мелодично тренькнуло.

– О! – поднялась Ефремова. – Компьютер оптимизировался.

– Готов к работе, – произнёс по-русски невыразительный металлический голос.

– Надо будет поколдовать над модуляциями, – пробормотала Ольга. – Настроить. Но это потом.

– Каково расстояние до ближайшей планетной системы с белковой жизнью? – спросил Карл Хейниц.

– Две целых и три десятых светового года. Если перевести в километры, то это будет девятнадцать триллионов...

– Стоп, – сказал Велга. – Достаточно в световых годах.

– Слушаюсь.

Голос умолк.

– Продолжай, – сказал Дитц.

– Планетная система жёлтого карлика. На четвёртой планете от солнца имеется разумная жизнь белкового типа. Вид – гуманоиды. Индекс развития – пятнадцать. Что примерно соответствует Средним векам на Земле. Атмосфера азотно-кислородная. У планеты имеется один-естественный

спутник...

– Погоди-ка, – перебил Влад Борисов. – Ты нам не про Лекту, часом, рассказываешь?

– Один из народов, проживающих в северной части Среднего материка, называет эту планету именно так. Лекта. Что в переводе на русский означает «твёрдь»...

– И сам этот народ называет себя раши, – закончил Борисов.

– Да, – подтвердил компьютер.

Дитц удивлённо присвистнул. Велга нервно потёр подбородок. Свем Одиночка радостно засмеялся.

– А жизнь-то налаживается! – воскликнул Валерка. – Бог не фраер, правду видит и пропасть не даст.

– Ага, не даст, – хмыкнул Шнайдер. – Две и три десятых световых года расстояние, слышал?

– И что?

– А то. Это же планетолёт. На межзвёздные расстояния он не рассчитан. Если, конечно, я правильно всё помню.

– Чёрт, – пробормотал Велга. – Действительно. Если он не может двигаться быстрее света, как Пирамида или Клёнья, то нам до Лекты лет восемь пилить как минимум. И то, если топлива хватит. А также продуктов и кислорода.

– Всё верно, – подтвердил Карл Хейниц. – Эта прекрасная машина способна развить скорость в тридцать процентов от световой. Даже в тридцать пять, если постараться. Но гипердвигателя у неё нет...

– Есть, – сказал металлический голос бортового компьютера. – Гипердвигатель есть.

– Да!! – заорал Валерка и выбросил вверх сжатый кулак.

Остальные замерли в радостном изумлении. И через секунду наперебой кинулись задавать вопросы. Чем чуть было не ввели бортовой компьютер в полный ступор.

– Тихо! – гаркнул Дитц. – Спрашивает только один. Остальные слушают ответы. Оля, давай.

– Почему я?

– Потому что я так сказал.

– Не поняла.

Дитц посмотрел на Велгу – помогай, мол, это твоя женщина.

– Оля, – сказал Велга спокойным голосом. – Извини, но Мартин погиб, и мы не в Пирамиде. Поэтому командование автоматически переходит ко мне с господином обер-лейтенантом. Это не обсуждается. Просто выполни приказ. Здесь нет ничего сложного.

Повисла пауза.

– Хорошо, – кивнула Оля. – Я поняла. Извините.

После недолгого, но содержательного диалога Оли Ефремовой с бортовым компьютером выяснилось следующее. Планетолёт обладал гипердвигателем и мог преодолевать межзвёздные расстояния. Не слишком большие, в пределах десяти световых лет за один нырок в гиперпространстве, но мог. Затем нужно было выныривать и готовить корабль к

следующему. Если в таковом будет необходимость. Но желательно, чтобы её не возникало, так как корабль, действительно, изначально не предназначался для подобных подвигов, и вероятность того, что очередного нырка он не выдержит, была довольно велика. Тридцать нырков. Тридцать нырков по десять световых лет каждый. Таков был гарантированный ресурс планетолёта. После этого входить на нём в гиперпространство было всё равно, что играть в русскую рулетку. Данная информация не была засекречена, зашифрована и спрятана, но по каким-то причинам, известным лишь строителям Пирамиды и планетолёта, то бишь Хозяевам, и не лежала на поверхности. Нужно было, действительно, попасть в обстоятельства, когда только гиперпространственный нырок мог бы спасти корабль и экипаж от медленной (или быстрой, это уж как выйдет) гибели, чтобы данная информация стала полностью доступной. Вероятно, такой момент как раз и наступил.

– По-моему, всё ясно, – подвёл итоги Дитц. – Идём на Лекту. И близко, и друзья у нас там. Есть на кого опереться. А, Саша, как считаешь?

– Считаю, нам сильно повезло, – сказал Велга. – Даже дважды. Первый раз, что Лекта оказалась столь близко, и второй, что у нашего корабля обнаружился нужный двигатель. Конечно, летим на Лекту. Кстати, о корабле. Имя у него есть? Я что-то не помню. Оля, спроси. Неправильно это – путешествовать на корабле без имени.

Оля спросила.

– Есть название, – поведал компьютер. – Лучше всего переводится на русский словосочетанием «Маленький бродяга».

Фея Нэла засмеялась и захлопала в ладоши.

– Как-как? – переспросил Дитц.

– «Маленький бродяга», – повторил компьютер.

– Дурацкое название.

Не уловив в голосе Хельмута вопросительных интонаций, компьютер промолчал.

– А по-моему, ничего, – сказал Велга. – «Маленький бродяга». Забавное. И в целом соответствует. Кто мы теперь, после потери Пирамиды? Бродяги и есть.

– Бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах! – немзыкально пропел Валерка. – Ну и так далее.

– Мне тоже нравится, – сказала Оля.

Короткий опрос выяснил, что из одиннадцати человек шестью название нравится, четверым нет, а одному – Свему Одиночке – всё равно.

– Что ж, – сказал Дитц. – В данном случае не вижу смысла спорить. Бродяга так бродяга.

– Маленький, – добавила Оля противным голосом.

– Хорошо, – вздохнул Дитц. – Маленький. Напишем большими буквами на носу или так обойдёмся?

– Я бы не стал рисковать без нужды с выходом в открытый космос, – сказал Влад Борисов.

– Спокойно, – сказал Велга. – Это была шутка. Надеюсь. Остались два вопроса. Сколько времени займёт путь до Лек-
ты, и когда мы можем стартовать?

Глава четвёртая

Это было очень спокойное путешествие. Бортовой компьютер хоть и не обладал интеллектом и памятью Цили Марковны Перпельпихтер, оказался весьма и весьма неплох.

– Он намного превосходит те, которые имеются сейчас на Земле, – объясняла товарищам Оля. – Самое главное его достоинство – умение быстро учиться. В данном случае это означает, что он с каждым днём всё лучше понимает наш язык, принимает и выполняет команды, отданные голосом. Не умеи он этого, не знаю, что бы мы делали. Пришлось бы или вернуться к Пирамиде и сдаться на милость сварогов или погибнуть.

– Так сложно управлять кораблём? – спросил Дитц.

– Управлять не очень сложно, – вступил Карл Хейниц. – Сложно рассчитать курс. Без этого квантового умника и во-все было бы невозможно.

– Что значит «квантового»? – поинтересовался Велга.

Оля попыталась разъяснить, но быстро запуталась сама. Не особо помог и Карл. То есть, по его мнению, объяснить-то он сумел, но никто ничего не понял. Или почти ничего.

– Я понял самое главное, – важно заявил Валерка Стихарь. – Мы, люди, мыслим на квантовом уровне. Или даже ещё глубже. Короче, чем глубже уровень мышления, тем разумнее человек. А также существо или... з-э... машина. И

дна у этой глубины не видать.

– Философ! – восхитился Руди Майер.

– Аристотель! – подхватил Шнайдер. – Платон!

– Да-да-да, – усмехнулся аналитик Влад Борисов. – Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна и бесконечно существует. Помним, читали. И даже конспектировали.

– Где? – спросил Велга.

– Как это? – удивился Борисов. – У Ленина, конечно. Работа называется «Материализм и эмпириокритицизм». Уж ты-то, Саша, должен бы помнить.

– Откуда? В школе мы это не проходили. А в пехотном училище в основном на «Краткий курс истории ВКП(б)» налегали. Там всё есть.

– А, ну да, – сказал Борисов. – Я и забыл.

– Ни фиги себе, – сказал Валерка. – Это я что, мысль Ленина подумал?

– Почти, – кивнул Борисов. – Но не радуйся особенно.

– Почему?

– Дедушка плохо кончил, если ты помнишь.

– Как и Платон, кстати, – вставил Шнайдер.

– С чего это? – удивился Хейниц.

– Ну как, его же заставили выпить яд!

– Это был Сократ, – возразил бывший берлинский студент. – Его учитель. Учитель Платона, я имею в виду.

– Вот видишь! – воскликнул Курт. – Философия до добра

не доводит.

– Я мир менять не собираюсь, – гордо заявил Валерка. – Разве что так, подправить чуток...

За разговорами, учёбой, тренировками, вахтами, обсуждениями планов на будущее (вернуть Пирамиду, наказать сварогов, внедрить непробиваемую систему охраны, разработать юридическую и правовую систему сдержек и противовесов для всеобщего управления Пирамидой и т. п.), едой и сном проходили дни и ночи. Время на корабле было земное, и настал день, когда «Маленький бродяга» вынырнул из гиперпространства, и на обзорном экране снова во всём великолепии засияли звезды Млечного Пути.

– Ура! – вскричал по данному поводу Валерка. – Здравствуй, галактика, мы вернулись!

– Наконец-то, – сказал Майер. – Всякий раз не по себе. Иногда мне кажется, что гиперпространство – это такая разновидность загробного мира. Конкретно – чистилища.

– Чистилища не существует, – авторитетно заявил Вешняк.

– Ну конечно! – фыркнул Руди.

– Руди, – сказал Валерка. – Ты помнишь, мы умирали. И где там было чистилище? Лично я вообще ничего не видел. Свет погас, свет включился. Всё.

– А я что-то помню, – заявил Сергей Вешняк.

– И что же ты помнишь?

– Помню, что там было хорошо. Тепло и спокойно. Как в

детстве зимой на печке. Мамка даст молока, кусок хлеба... Залезешь на печь, согреешься и смотришь, как за окном снег падает...

– Эх, – вздохнул Влад Борисов. – Где та зима и та печка? Не вернуть.

– А надо? – спросил Дитц.

– Не знаю, – ответил аналитик. – Иногда хочется.

Через две недели хода на ядерной тяге Лекта приблизилась настолько, что стала до боли похожей на Землю. Разве что очертания материков, океанов и морей другие. Но это не столь важно, когда знаешь, что где-то там, на Среднем материке, живут такие же люди. Ну, почти такие же (подумаешь, ростом поменьше, два сердца вместо одного и паровую машину пока не придумали!). Зато полны благодарности за недавнюю помощь и примут, как родных. Во всяком случае, можно этого ожидать. Главное теперь сесть удачно, поближе к славному граду Брашену, где держит свой стол вершинный князь рашей Дравен Твёрдый, дай ему Бог здоровья и долгих лет жизни.

– Радиомаяк, который мы оставляли, не работает, – сообщил Карл Хейниц.

– Я даже догадываюсь почему, – сказал Велга.

– Сломался? – предположил Шнайдер.

– Вряд ли, – сказал Хельмут. – Там нечему ломаться, всё просто и надёжно. Это из-за каравос Раво. Если они ещё где-то поблизости, могут возникнуть проблемы.

Как в воду смотрел.

«Маленький бродяга» заканчивал четвёртый виток вокруг планеты. Сканеры корабля пытались нащупать Брашен, чему мешала плотная облачность, а бортовой компьютер, к которому с недавних пор накрепко прикипело имя Платон, ждал точных координат города, чтобы рассчитать посадку (к сожалению, в его памяти местоположение Брашена отсутствовало).

Здоровенная дура, размером с имперский линкор сварогов, но совершенно других обводов, показалась на экранах как раз в тот момент, когда Брашен был обнаружен. Судя по траектории, подошла она со стороны естественного спутника Лекты – Вульны (размером поменьше земной Луны, но расположенной ближе) и теперь активно догоняла «Маленького бродягу» по чуть более высокой орбите. Как раз была вахта Оли Ефремовой.

– Внимание! – сообщила она всем, собравшимся в рубке. – Объект ведёт передачу лазером. Запускаю дешифровку.

– Лазером? – переспросил Шнайдер. – А что не по радио?

– В лазерный импульс больше информации влазит, – коротко пояснил изрядно поднаторевший в науках и технологиях Хейниц. – И помехам он не так подвержен.

– А ну как он этим же лазером по нам шарахнет?

– Этим же вряд ли. Если и шарахнет, то другим.

– Будем надеяться, что у них мирные намерения, – сказала Оля.

– Как говорят у нас в Саксонии, кто охотится за надеждой, тот ловит туман, – сообщил Дитц.

– У нас в Гамбурге тоже так говорят, – заметил Майер.

– За что я вас люблю, так это за оптимизм, – ухмыльнулся Велга.

– Есть расшифровка! – воскликнула Ольга. – Запускаю голосовое сообщение.

За то время, что «Маленький бродяга» провёл в сером «нигде» гиперпространства, а затем две недели пересекал на фотонной тяге планетную систему жёлтого карлика, вокруг которого на позиции номер четыре вращалась Лекта, Оля, Карл и другие весьма преуспели в обучении бортового компьютера разным штучкам (больше всех старался Курт Шнайдер). В результате чего он не только получил имя Платон и стал на него отзываться, но и приобрёл соответствующий голос. То есть соответствующий примерным представлениям людей о том, какой голос мог бы быть у Платона настоящего. А именно: низкий и хрипловатый, в котором временами отчего-то прорезывались ворчливые и даже сварливые интонации.

– Внимание, неизвестный космолёт! – прокатился по рубке голос Платона. – Говорит флагман передовой эскадры каравос Раво! Немедленно покиньте орбиту и уходите к естественному спутнику планеты. Там ждите новых сообщений и наших послов. Данная планета и всё её население находятся под защитой, контролем и опекой каравос Раво и может быть

посещена только с нашего разрешения. Повторяю. Немедленно покиньте орбиту и уходите к естественному спутнику планеты. В случае неподчинения и попытки сесть на планету будем вынуждены открыть огонь. Время на принятие решения – одна сороковая часть местных суток.

После двухсекундной паузы всё сообщение повторилось сначала слово в слово.

– Одна сороковая часть – это примерно тридцать пять минут, – быстро подсчитав в уме, сообщил Карл Хейниц.

– И пять из них уже прошли, – добавила Оля. – Что будем делать?

– Мы можем им ответить? – спросил Хельмут.

– Конечно. И даже на их языке. Он был в базе данных, иначе Платон не перевёл бы так быстро.

– Тогда пусть переведёт это. – Дитц кашлянул, на секунду задумался и уверенно продолжил: – Мы мирное судно расы сварогов. Направляемся на планету с целью забрать на борт исследовательскую экспедицию. Нам ничего не известно о вашем патронаже над этой планетой и её населением. Ставим вас в известность, что в случае агрессии по отношению к нам вы будете иметь дело с имперским флотом северных сварогов, равного которому нет в Галактике. Пропустите нас, и всё будет хорошо. Мы ни с кем не хотим ссориться.

– Сварогов? – приподнял бровь Велга.

– Ну не землян же, – усмехнулся Дитц. – У нас нет космического флота. Пока. Ну так что, отправляем?

– Давай, – махнул рукой Александр. – Хуже всё равно не будет.

Ответ пришёл через три минуты.

– Вы блефуете, – хриплый низкий голос Платона как нельзя лучше соответствовал характеру сообщения. – Надпись на борту вашего корабля сделана не на языке сварогов, и сам корабль не имеет ничего общего с теми, которыми пользуются свароги. К тому же не так давно они устроили в этой системе такую бойню, что вряд ли оба их флота способны теперь хоть к каким-то серьёзным действиям. А если и способны, то к тому времени, когда они здесь снова появятся, нас уже не будет. В любом случае, лучшее, что вы можете сделать – это выполнить наши требования. Половина отпущенного вам времени прошла. Повторяем, что в случае отказа мы будем стрелять. Эта планета наша.

– Вот же суки, – не выдержал Валерка Стихарь. – Мало мы им всё-таки вломили.

– Сколько смогли, – сказал Майер. – Если кому-то интересно моё мнение, то надо от них отрываться и идти на посадку. Авось не пальнут.

– А если пальнут? – спросил Влад Борисов.

– Не попадут, – беспечно махнул рукой пулемётчик. – Мы везучие.

– Сдаваться им точно нельзя, – высказалась Нэла. – Репутация у каравос Раво хуже некуда. Как бы на Землю их не навести.

– Каким образом? – поинтересовался Курт Шнайдер. – Даже если захотим, не расскажем. Координат не знаем.

– Зато Платон знает, – сказала Оля. – Я проверяла.

– Чёрт, – пробормотал Курт. – И впрямь. Всё время забываю про эти компьютерные штучки.

– Он большой, а мы маленькие, – неожиданно подал голос Свем Одиночка. – И у нас есть крылья для полёта в воздухе. У него крыльев нет. Разве он может погнаться за нами, если мы нырнём вниз?

– Молодец, Свем! – Дитц посмотрел на охотника с уважением. – Дельная мысль. Оля, Карл, как считаете? Вы у нас главные пилоты.

– Судя по всему, этот корабль и впрямь не предназначен для посадок на планеты с атмосферами, – ответила Ефремова. – Уж больно здоровый. К тому же мы знаем, что каравос Раво пользуются для этой цели челноками.

– Решено, – сказал Велга. – Мы от дедушки ушли, мы от бабушки ушли. А от вас, ребятки, и подавно уйдём. Только сначала... Платон, переведи. Внимание, флагман каравос Раво! Мы подчиняемся. Просьба отойти на безопасное расстояние и дать нам место для маневра. Повторяем. Просьба отойти на безопасное расстояние и дать нам место для маневра. Перевёл?

– Да, – сказал Платон.

– Передавай.

Руди Майер наклонился к уху Валерки Стихаря и тихо

спросил:

– От каких бабушки и дедушки?

– Потом расскажу, – так же тихо ответил Валерка. – Это длинная история.

В них попали, когда уже казалось, что хитрость удалась, и они оторвались от погони. Флагман каравос Раво повёлся на предложение и отдалился на приличное расстояние. «Маленький бродяга» включил двигатели и сделал вид, что честно собирается уйти с орбиты по направлению к Вульне. А когда флагман поверил и отстал ещё больше, резко изменил курс, окутался защитным полем, врубил форсаж и на максимально возможной скорости пошёл на снижение.

Каравос Раво опомнился, кинулся вдогон, но было поздно. Люди верно предположили, что в плотную атмосферу флагман входить не мог. Тогда он открыл огонь. Первые два залпа, сделанные, судя по всему, из лазерных пушек, поглотило защитное поле. Это потребовало громадного перерасхода энергии из накопителей, в результате чего напряжение поля просело на девяносто два процента. Однако за это время «Маленький бродяга» успел опуститься на сотню километров и вошёл в верхние слои атмосферы. Ему нужна была ещё буквально минута-две. Однако получить их не удалось.

Флагман каравос Раво выпустил вдогон за уходящим планетолётом сразу три управляемые ракеты. Две из них удалось сбить огнём бортовой плазменной пушки и подорвать на подлёте, но третья сумела проскользнуть на опасное рас-

стояние и рванула как раз в тот момент, когда Ольга попыталась выполнить маневр уклонения (на выстрел уже не оставалось времени).

Мощный взрыв сотряс «Маленького бродягу» от носа до кромки отражателя. Тут же сработала автоматическая защита реактора, и подача энергии во все системы корабля прекратилась. Отключились гравигенераторы, и на людей, словно железобетонная плита, навалилась пятнадцатикратная перегрузка. Последнее, что запомнил Карл Хейниц перед тем, как потерять сознание, это бешеное пламя, залившее обзорный экран и крупная, мигающая чёрными буквами, надпись на нём: «Внимание! Аварийная посадка!»

И всё затопила равнодушная темнота.

...Острый, невыразимо противный запах проник в ноздри и ударил куда-то в лобную часть мозга, буквально выдирая сознание из спасительного забытья. Александр застонал и попытался отвернуться. Запах не отставал.

– Что за... – прохрипел Велга и с трудом разлепил глаза.

Прямо над ним склонилось участливое лицо Валерки Стихаря, на которое слева падал свет от экрана компьютерного терминала, имеющегося в каждой каюте. Свет был слабым, но его вполне хватало, чтобы заметить под глазом ростовчанина шикарный фингал.

– Очнулся, – удовлетворённо констатировал Валерка. – Как ты? Что-нибудь болит?

– Что... – первое слово едва прошелестело, но лейтенант взял себя в руки, и вторая попытка вышла лучше. – Что было?

– Как всегда, – бодро ответил ростовчанин. – В нас опять попали, и мы опять выжили. Кажется.

Велга попытался сесть и сморщился от боли в боку. Валерка помог ему подняться, усадил в кресло.

– Как самочувствие, товарищ лейтенант?

– Не пойму пока. Бок болит. Как я на полу оказался? Пристёгивался же.

Стихарь молча показал ему обрывок ремня, болтающегося внизу кресла.

– Однако... Халтурщики эти Хозяева. Не могли нормальные ремни сделать.

– Карл говорит, что перегрузка в какие-то доли секунды достигала пятнадцати «же». А гравигенераторы отказали.

– Ясно. Все живы?

– Ещё не знаю. Карл и Ольга точно в порядке. Я, как в себя пришёл, первым делом в рубку приковылял. Потом к тебе.

– Мы сели?

– Можно и так сказать. Наверное.

– Куда?

– А что, были варианты? На Лекту, куда ещё.

– Валера!

– Извини, это я ещё не отошёл. Трясёт всего. Не знаю. Но точно не рядом с Брашеном.

– Но хотя бы континент тот?

– Вроде да. Карл и Оля там разбираются. А пока вон, можешь полюбоваться, картинка передаётся с внешних камер.

Велга повернулся вместе с креслом и уставился на экран. Снаружи шёл дождь. Он мелко и густо сыпался с неба, затянутого низкими серыми тучами, но и сквозь эту мокрую завесу можно было рассмотреть сплошное море деревьев, колышущееся за бортом «Маленького бродяги». Корабль то ли лежал, то ли стоял (пока это было не очень понятно) на боку, но камеры, расположенные в его средней части, находились от земли на высоте минимум сорока двух метров и смотрели выше всех древесных верхушек.

– Натуральная тайга, – сказал Валерка. – Ни конца, ни края. Жаль, что Мишка не с нами.

– Жаль, – согласился Велга. – А также Аня и Лиза. Ладно, пошли смотреть, как там остальные.

Он поднялся с кресла. Бок болел.

– Сильно болит? – спросил Валерка.

– До свадьбы заживёт. Шикарный фингал, кстати. Тоже ремень не выдержал?

– Нет. Какая-то хрень с потолка отвалилась. Металлическая. И прямо на морду.

– Говорю же – халтурщики.

– Просто мы привыкли к Пирамиде, где ничего не ломается.

– Да, – вздохнул Александр. – Наверное, ты прав. Теперь

придётся отвыкать.

Серьёзных повреждений не получил никто. Несколько ушибов и растяжений не в счёт. Было подозрение, что у Велги сломана пара рёбер, но обошлось. Люди оказались крепче «Маленького бродяги», который, как вскоре выяснилось, поломался при посадке довольно сильно. Не в щепки, но всё-таки.

– Захоти мы взлететь прямо сейчас, ничего не выйдет, – сообщил Карл Хейниц результаты диагностики. – Нужен ремонт. И серьёзный.

– Насколько серьёзный? – спросил Дитц. – Сами справимся?

– Может, да, а может, и нет, – ответил ефрейтор. – Так сразу не скажешь. Но даже, если справимся, быстро не получится.

– Согласно с Карлом, – подтвердила Оля. – Здесь работы месяца на три. Это при самом оптимистичном раскладе, если целы ремонтные роботы, и мы сумеем их запустить. Из восьми посадочных опор сломаны три, и мы фактически лежим на брюхе. Проблемы с реактором. Потеряно семьдесят восемь процентов мощности. Оставшихся двадцати двух процентов достаточно, чтобы у нас были свет, тепло и энергия для гравигенераторов и ремонта, но совершенно не достаточно, чтобы летать. Плюс разгерметизация грузового трюма и отказ двух маневровых двигателей из пяти. А, да, ещё основной гравигенератор вышел из строя. Контур поле-

тел. Остался запасной, но его мощности тоже не хватит, чтобы взлететь.

– Три месяца – это до хранища, – сказал Велга.

– Да, – согласился Дитц. – К тому же, три – это по самым оптимистичным. Мы, понятно, все тут оптимисты, но знаем, как бывает на самом деле.

– Четыре, – сказал Руди Майер.

– А то и все пять, – хмыкнул Валерка Стихарь.

– За это время можно пешком от Чернигова до Хабаровска дойти, – сказал Вешняк.

– Почему от Чернигова? – удивился Валерка.

– Потому что далеко, – сказал сержант.

– Я правильно помню, что на борту есть что-то вроде вездехода? – спросил Велга. – Кажется, он даже способен летать.

– Правильно, – вздохнула Оля. – Но я не закончила о поломках и повреждениях.

– Только не говори, что нам не на чем ехать, – попросил Хельмут. – И летать.

– Сама не хочу, – сказала Оля. – Но всмятку. Крепления в грузовом трюме не выдержали. Собственно, поэтому герметичность и нарушена...

Выяснилось, что единственный, имеющийся на борту вездеход сорвался с креплений, пролетел около тридцати метров и со всей дури въехал изнутри в борт. Пять тонн, помноженные на скорость и перегрузку. Пробил здоровенную ды-

ру в обшивке (по закону подлости его угораздило врезаться в самое тонкое и слабое место) и вывалился наружу. С высоты около двухсот метров.

– Могу показать, что от него осталось, – сказала Оля. – Восстановлению не подлежит.

– Не надо, – вздохнул Дитц. – Боюсь, моя тонкая саксонская душа не выдержит этого зрелища.

– Кстати, до Брашена примерно две тысячи километров, – сообщил Карл. – На запад. Точнее, две тысячи двадцать. На пути несколько рек, две из них крупные, и одно море. Не слишком широкое, но всё-таки. Если обходить с севера, то это дополнительные восемьсот кэмэ.

– Не слишком широкое, это сколько? – спросил Майер.

– Двести тридцать.

Пулемётчик только вздохнул.

– Горы? – спросил Велга.

– Нет. Разве что холмы. Сразу за морем. Да что я рассказываю, сами смотрите. Платон создал карту, основываясь на тех снимках, что получил, пока мы крутились на орбите.

Карл вывел на экран карту с ярко-жёлтым пунктиром маршрута. Некоторое время все молча её изучали.

– Серьёзных препятствий не вижу, – наконец, заявил Дитц. – Если не считать моря, конечно. Первые сто двадцать километров по лесу. Тяжеловатый участок, скорее всего. Чащоба, буреломы, болота... А может, и не слишком. Пока не углубимся, не узнаем. Но думаю, что дня за четыре пройти

можно. Хорошо, пусть пять. Потом относительно безлесная равнина на триста десять кэмэ. С одной рекой. Ещё шесть дней. Прогулка.

– Как через реку? – спросила Оля. – Вплавь?

– Если хочешь, – усмехнулся Дитц. – Но вряд ли мы тебе позволим это сделать. Река широкая.

– Соорудим плот, – пояснил Вешняк. – Невелика забота.

– Уже одиннадцать дней, – сказал Хейниц. – И четыреста тридцать километров.

– Дальше снова лесной массив. – Скрестив руки на груди и прищурившись, Дитц следил за стрелкой, которая ползла по карте, как бы иллюстрируя его слова. – Сто семьдесят кэмэ.

– Итого шестьсот, – отметил Карл. – Восемнадцать суток. Если с запасом. На этот лес положим неделю.

– А вот и море, – сказал Велга. – Двести тридцать. Многовато для плота... Стоп, а это что? Увеличить можно?

На увеличенном снимке на берегу залива, расположенного южнее их предполагаемого маршрута, отчетливо просматривался город. Улицы, дома, крепостная стена вокруг. Мощёная дорога, ведущая на север и юг. Возделанные поля на расчищенных от леса участках.

– Город на восточном берегу, – удовлетворённо произнёс Велга. – Наверняка порт. Ну-ка, на западном есть?

Посмотрели, нашли сразу два на западном берегу.

– Прекрасно! – воскликнул Дитц. – Наймём корабль и переправимся на другую сторону!

– Или купим, – сказал Шнайдер.

– На какие шиши? – спросил Валерка. – Будь синтезатор, наколдовали бы золотишка. Но он на Пирамиде остался. Проще захватить. Пальнём пару раз в воздух, и ваши не пляшут. Всегда мечтал побыть пиратом.

– Нет уж, – сказал Велга. – Это на крайний случай. Но мысль с золотом правильная. Нужно спросить у Платона, есть ли на корабле золото, которое можно использовать в качестве платёжного средства.

Не откладывая дела в долгий ящик, тут же и спросили. Оказалось, есть. Золото обильно использовалось в гравигенераторах. Только в том, что без надежды на возрождение разбился вместе с вездеходом, его было больше килограмма. Стало веселее. Особенно после того, когда увидели, что сразу за морем начинаются относительно обжитые места. С дорогами, пусть редкими, но поселениями и городами. При этом некоторые из дорог вели в нужном направлении. Конечно, все помнили, что Ржавая Смерть совсем недавно лихо погуляла на континенте (и вряд ли её гульба везде подошла к концу), выкосив большинство населения. Но всё же оставалась немалая надежда, что где-нибудь по дороге удастся обзавестись каким-никаким транспортом. Пусть верхом или на телегах, но это лучше, чем топать оставшиеся тысячу двести километров (именно столько оставалось от западного берега моря до Брашена) пешком.

– Что у нас получается? – спросил Дитц, поглядев на Хей-

ница.

– До моря – восемнадцать суток, – бодро ответил ефрейтор. – Понятия не имею, сколько потребуется, чтобы пересечь море, но, положим, ещё пять. Это вместе с временем на наём корабля.

– Или захват, – кровожадно добавил Валерка.

– Двадцать три, – сказала Оля.

– Остаётся тысяча четыреста километров, но уже по дорогам. По прямой – тысяча двести.

– Лучше по дорогам, – хмыкнул Велга.

– Пятьдесят кэмэ в сутки при хорошем раскладе, – определил Шнайдер.

– Возьмём сорок, – добавил Дитц.

– Тридцать пять суток.

– И двадцать три.

– Пятьдесят восемь, – заключил Велга. – Всё равно много, но мы постараемся двигаться быстрее. Хотя я бы на это особо не рассчитывал. Не будем забывать, что за бортом, – он кивнул головой куда-то в сторону, – начало осени. Если я правильно всё понимаю. А осенью идти труднее.

– Всё правильно, – подтвердил Борисов. – Мы были здесь в разгар лета. Сейчас уже осень. Надо уточнить у Платона, как здесь с временами года, когда наступает зима и чего от неё ждать.

– Вот и уточни, – сказал Велга. – Ну что? Цели и задачи определены? К делу. Чем раньше выйдем, тем раньше при-

дём. Да, и прослушивайте эфир. Вдруг радиомаяк, что мы в Брашене оставили, заработает.

На подготовку к «Великому походу на Запад», как стали его называть с лёгкой руки Валерки Стихаря, ушло восемь дней. Первый – на инвентаризацию всего полезного, что имелось на борту «Маленького бродяги». Полезного оказалось много. В частности, изрядный запас весьма калорийных и занимающих мало места продуктов питания, и очень удобные вместительные рюкзаки, в которые, по выражению сержанта Сергея Вешняка, «чёрта можно впихнуть, главное, потом унести». Свежесть продуктов и снаряжение, выглядящее, как новенькое, никого не удивил. Корабль хранился в Пирамиде, в которой ничего не могло испортиться. Но теперь Пирамида была потеряна, и приходилось обходиться без этого уникального чуда техники древних неведомых Хозяев. Впрочем, людям было не привыкать. Что с техникой, что без техники они умели выполнять поставленные перед собой задачи, и, как показывал опыт, мало что во вселенной могло их остановить. Собственно, пока таковой силы вообще не находилось. Включая саму смерть.

Рулоны лёгкой, крепкой, не пропускающей воздух и воду ткани ярко-синего цвета были обнаружены в грузовом трюме под вечер первого дня. Тут же рядом нашлись и несколько бухт прочного троса из материала, весьма напоминающего нейлон. Нашёл всё это богатство Руди Майер, и он же высказал смелую мысль, что Хозяева были не дураки, а, наобо-

рот, очень предусмотрительные разумные существа.

– И что же они предусмотрели? – ехидно поинтересовался Валерка Стихарь. – Сделаем из этого материальчика и верёвок цирк-шапито и будем в нём выступать на радость аборигенам? Чур, я не клоун.

– Почти угадал, – невозмутимо отвечивал Руди. – Воздушный шар можно сделать. И пролететь на нём хотя бы часть пути, чтобы ноги не бить. Ветер благоприятствует. Влад, подтверди.

Борисов подтвердил, что в это время года и в данной местности ветра, судя по информации, имеющейся в распоряжении бортового компьютера, действительно, преимущественно восточные.

– Но всякое может случиться, – добавил он. – Циклоны, антициклоны... Я не синоптик.

– И долго ещё будут эти ветра дуть? – спросил Дитц.

– С месяц. Затем начнут сменяться на западные, потом, ближе к зиме, на северо-западные и северные. Осень продлится ещё почти три месяца по нашему счёту. Год на Лекте длиннее земного на шестьдесят три дня. Соответственно, чуть длиннее и времена года. Да, зима на этой широте довольно суровая. Снег, морозы, все дела.

– Что ж так не везёт-то? – спросил, глядя куда-то в пространство, Курт Шнайдер. – Куда ни попадём, опять Россия.

– Вот не надо, – сказал Валерка. – А Лона? И вообще, плохо ты знаешь Россию. У нас в Ростове, например, или в

Крым...

– Погодите, – произнёс Велга нетерпеливо. – Хельмут, при чём здесь ветра? Ты что, серьёзно думаешь о воздушном шаре?

– Почему бы и нет? – ухмыльнулся Дитц. – Лететь и впрямь лучше, чем идти.

– Земля как-то надёжнее, – не слишком уверенно произнёс Вешняк.

– Что-то я не понял, кто здесь русские вообще? – поинтересовался Руди.

– При чём здесь русские-то? – не понял Вешняк.

– Это он на наш природный авантюризм намекает, – пояснила Оля Ефремова.

– Я бы даже сказал, на пофигизм, – добавил Влад. – Русским, мол, все равно. Что летать, что падать. Лишь бы дух захватывало.

После довольно бурной дискуссии о свойствах национального характера и конкретных носителях одного пришли к выводу, что здорового авантюризма вкупе с не имеющим достойного эпитета пофигизмом хватает у всех присутствующих. Иначе они бы не оказались в данных обстоятельствах.

– И всё-таки, – продолжил Велга, – специалисты есть? Профессионалы, так сказать. Потому что всё, что я знаю о воздухоплавании, почёрпнуто мной из книжки Жюль Верна «Таинственный остров».

– Не читал, – признался Валерка Стихарь. – Но что-то

слышал. Кажется.

– Я читал, – сказал Карл Хейниц. – Хорошая книжка. Полезная.

– Про что? – спросил Шнайдер.

– Люди терпят крушение на воздушном шаре и оказываются на необитаемом острове. Но, в отличие от Робинзона Крузо, у них с собой нет почти ничего. Тем не менее благодаря смекалке, знаниям и трудолюбию они выживают и даже процветают. Там, правда, им капитан Немо чуток помогает оружием и инструментами, но это не главное.

– У нас свой «Наутилус», – сказал Дитц. – Уверен, здесь найдётся всё, чтобы сделать качественный воздушный шар, способный преодолеть сотни километров и противостоять любой буре.

– Романтик, – буркнул Велга.

– Есть во мне такая фигня, – весело согласился Хельмут. – Ну же, товарищ лейтенант, не будьте занудой. Я – за полёт.

– Кто ещё? – оглядел команду Велга.

Сразу подняли руки Оля, Руди, Карл, Валерка, Курт, Влад и Нэла. Свем Одиночка подумал и заявил, что он против. Объяснив при этом, что не любит неуправляемых полётов:

– Мало ли, куда нас занесёт. Когда я иду, то всегда знаю, куда иду. Здесь – нет.

Сергей Вешняк осторожно сообщил, что он воздерживается.

– Чёрт с вами, – вздохнул Александр, который поддержал

Свема Одиночку. – Но, если выяснится, что мы только потеряли время, мы со Свемом не виноваты.

Шар вышел на славу. Конструкцию, схему раскроя материала и технологию сборки рассчитали при помощи Платона. В его памяти отсутствовали теоретические и практические сведения о полётах на воздушных шарах и дирижаблях, но законы физики бортовой компьютер знал твёрдо, а остальное было делом техники. К тому же выяснилось, что Оля Ефремова в юности немного увлекалась воздухоплаванием и кое-что помнит.

– Точнее, одним воздухоплавателем, – призналась она.

– И что случилось? – ревниво осведомился Велга.

– Мы расстались, – просто ответила она. – Мне было восемнадцать лет, а он оказался женат. – Затем подумала и добавила: – Козёл.

Следуя Олиным советам и рекомендациям Платона, решили, что это будет монгольфьер. То есть шар, наполняемый горячим воздухом. Ибо метан в достаточных количествах было получить гораздо проще, чем гелий (от водорода, в силу его взрывоопасности, отказались сразу) – биомассы для этого вокруг хватало. А отличную газовую горелку, конструкцию которой опять же рассчитал Платон, из имеющихся на борту материалов Руди Майер и Сергей Вешняк соорудили за два дня.

И всё равно они бы не смогли построить за столь короткое время задуманный монгольфьер, если бы не помощь ко-

рабельного робота.

Его на второй день почти случайно обнаружили Свем Одиночка и Курт Шнайдер, когда по наводке Платона искали в трюме мощную электропилу (для строительства монгольфьера нужно было расчистить от уже частично поваленного при посадке леса достаточно большой участок рядом с кораблём). Когда уже нашли и собрались возвращаться, услышали неподалёку странный шум. Первым Свем, а за ним и Курт.

– Как-будто кого-то в шкафу заперли, и он теперь скребётся, выйти хочет, – охарактеризовал эти звуки Шнайдер.

И оказался абсолютно прав. Буквально через минуту они нашли большой ящик (в него вполне поместилось бы, скажем, пианино), изнутри которого и шли характерные звуки. После поверхностного осмотра и последующей консультации с Платоном, выяснили, что внутри ящика находится ремонтный универсальный робот, запрограммированный на обнаружение и устранение всяческих поломок и неисправностей и выполнение иных работ как на борту корабля так и вне его. Ящик, в котором находился робот, должен был автоматически раскрыться сразу же после того, как корабль приземлился в аварийном режиме. Просто потому, что была нарушена герметизация грузового трюма (попросту пробила здоровенная дыра в обшивке), датчики робота это засекли, послали соответствующий сигнал в его компьютерный мозг, и тот отдал команду: «Найти и устранить поломку!» Но

крышку ящика при посадке заклинило, и робот-ремонтник не мог самостоятельно выбраться наружу.

Курт взрезал по заевшей крышке носком тяжёлого ботинка и тем самым дал роботу долгожданную свободу. Посмотрев, с каким энтузиазмом тот принялся заделывать дыру в обшивке (робот представлял собой летающую при помощи антигравитации и реактивного двигателя полусферу диаметром около полутора метров, оснащённую «вечным» мини-реактором, кучей сенсоров и манипуляторов), Шнайдер и Одинокка решили, что машинка полезная и вполне сгодится в качестве помощника при постройке воздушного шара и вообще. Так и вышло. Робота окрестили Руриком (в честь известного промышленного района Германии, знаменитой пьесы о роботах Карела Чапека и основателя Русского государства) и приняли в свою дружную семью. Тот не возражал.

С Руриком дело пошло веселее, и на шестой день воздушный шар был готов, а на седьмой испытан. В качестве испытателей-добровольцев первыми вызвались Влад Борисов, Курт Шнайдер и Валерка Стихарь. Остальной вес добрали балластом и утром седьмого дня после аварийного приземления на Лекту четыре человека (Оля Ефремова, как самый опытный воздухоплаватель, была за командира) поднялись над лесом. Не слишком высоко, на четыре с половиной сотни метров (длина имеющихся в их распоряжении канатов), но и этого вполне хватило, чтобы убедиться сразу в нескольких вещах. А именно:

а) радиосигнал маяка, оставленного отделению киркхуркхов под командованием млайна, поймать по-прежнему не удаётся;

б) метановая горелка и выпускной клапан работают хорошо, и шар вполне способен подниматься и опускаться на заданную высоту;

в) на заявленной высоте, действительно, дует постоянный восточный ветер со скоростью около пяти метров в секунду, или восемнадцать километров в час.

– Это же сто восемьдесят кэмэ за десять часов! – воодушевился Хельмут Дитц. – И тысяча восьмьсот за четверо суток! Сказка.

– Если ветер не переменится, – сказал Борисов.

– Значит, стартовать нужно как можно раньше, – уверенно заявил Дитц. – Пока не переменится.

На том и порешили, назначив старт на послезавтра.

Глава пятая

Поздним вечером накануне старта Хельмут Дитц в растёгнутом кителе, бриджах и сапогах валялся на койке в своей каюте, забросив руки за голову, и размышлял о том, всё ли они сделали, чтобы путешествие вышло успешным. Размышлялось плохо. Мысли постоянно возвращались к тому чёрному дню, когда свароги убили Машу Князь и остальных, захватили Пирамиду и фактически взяли в заложники Малышева, Аню и маленькую Лизу. Несмотря на показную бодрость духа, Хельмут не мог простить себе происшедшего. В особенности смерть Маши. Обер-лейтенант вермахта, командир взвода разведки Хельмут Дитц видел сотни смертей и привык к ним. На его глазах товарищи гибли под разрывами бомб, снарядов, гранат и мин. В живую плоть впились осколки и пули, её рвали и кололи штыки, полосовали ножи. Кровь убитых на войне с той и другой стороны бежала струйками и ручейками, сливалась в потоки, те впадали в широкую реку, которая величественно и грозно текла к бесконечному морю крови, пролитой людьми за все войны с начала истории. И была эта река такой мощной и глубокой, что по количеству крови могла поспорить с самим морем, в которое впадала. В Сталинграде в ноябре – декабре тысяча девятьсот сорок второго года смерть ходила настолько близко, что стала восприниматься почти как назойливая

родственница со скверным характером, которую невозможно изгнать из дома и посему приходится уживаться. «Почти», потому что смерть никакая не родственница и ужиться с ней невозможно. Притерпеться – да, пожалуй. Но ужиться, то есть пойти на компромисс, внутренне согласиться с тем, что она сильнее и имеет право забирать того, кто ей понадобился, в любую минуту – нет, ни за что! Человек рождён для жизни. Чтобы это осознать, не нужен даже Бог. Достаточно побывать на войне.

Хельмут убивал и сам. Это была его работа, а всякую работу настоящий немец старается делать честно. Но честно – не значит с любовью. И, как бы то ни было, признать, что сва-роги просто «честно делали свою работу», он не мог. Со сва-рогами был договор, который те нарушили самым подлым и предательским образом, при этом убили близкого Хельмуту человека. Женщину, которая делила с ним постель и кото-рую он почти успел полюбить. А может, и без всякого «почти». Не говоря уже обо всех остальных. Убили без всякой жалости, хладнокровно и расчетливо. Они бы убили и его, и его друзей, если бы карты судьбы легли чуть иначе. В этом не было ни малейших сомнений.

Обер-лейтенант вермахта Хельмут Дитц, в свои двадцать шесть лет прошедший такими дорогами, которые и при-сниться не могли абсолютному большинству разумных су-ществ во всей Галактике, и считавший, что его огрубевшее от насилия и крови сердце мало что может тронуть, скрип-

нул зубами, машинально растёр ладонью грудь и одним движением поднялся с койки. Хотелось выпить.

В дверь постучали.

– Если с бутылкой, заходи! – возгласил Дитц.

Дверь уехала в переборку, и через порог шагнул Александр Велга, облачённый в полевую форму командира Красной Армии образца тысяча девятьсот сорок второго года с двумя «кубарями» в петлицах. Приказ товарища Сталина № 25 от 15 января 1943 года «О введении новых знаков различия и изменениях в форме одежды Красной Армии» предусматривал донашивание старой формы и знаков различия до получения новой. Остаток зимы сорок третьего Александр провалялся в госпитале, потом воевал, новую форму с погонами получить не успел, так и попал в плен к сварогам в старой. Её по привычке и носил, полностью обновив комплект в Пирамиде, лишь иногда надевая поверх сварожий боевой комбинезон и удобные ботинки вместо сапог. Лейтенант прошёл к столу, извлёк из правого кармана галифе бутылку водки, из левого свёрток, водрузил дары на стол и уселся в стоящее рядом кресло. Раскрыл свёрток, в котором оказались два толстых куса чёрного хлеба, нарезанное сало и два солёных огурца.

– Стаканы есть?

Дитц одобрительно хмыкнул, достал из встроенного шкафа два стакана, присел к столу.

– Наливай, – кивнул на бутылку Велга, водружая сало на

хлеб.

Хельмут разлил по сто. Молча чокнулись, выпили, закусили.

– Как ты догадался? – спросил Дитц, закуривая.

– Это не трудно, – сказал Александр. – Сам такой. Сердце болит, покоя нет, – он похлопал себя по карманам. – Чёрт, сигареты забыл.

Хельмут пододвинул по столу пачку и зажигалку.

– Спасибо. – Велга закурил.

– Ты хотя бы Ольгу сберёг, – сказал Дитц.

– Нам с ней просто повезло. И потом... – Велга умолк, пуская дым к потолку. Дитц ждал.

– Я не уверен, что у нас с ней получится семья, – сказал Александр.

– Семья в нашем положении – это большая роскошь, – заметил Хельмут. – Возможно, слишком большая.

– Малышев и Аня себе позволили.

– И где они теперь?

– М-да...

Велга вздохнул, разлил по пятьдесят, взял стакан:

– Давай за победу. И чтобы ребята были с нами.

– Давай.

Выпили по второй.

– Я вот о чём подумал, – начал Велга. – Мы собираемся проникнуть в Пирамиду через каналы Вnezеркалья. Конкретнее, через тот, уже известный, что расположен непода-

лёку от Брашена. Так?

– Так. А что?

– Ничего. Не считая того, что способ крайне ненадёжный, как ты сам понимаешь.

– Понимаю. У тебя есть другой? Только не говори, что мы атакуем Пирамиду на этом, – Дитц вытянул в сторону длинную руку и похлопал ладонью по переборке.

– Разумеется, нет. Но мы можем привлечь на свою сторону союзников.

– Рашей?

– Раши прекрасные воины, но пускать их в Пирамиду и, уж тем более, делиться с ними властью над ней... – Велга покачал головой. – Я говорил с Владом. Он считает, что этого нельзя делать. Ни раши в частности, ни айреды в целом не доросли до подобной власти и ответственности.

– А мы, значит, доросли? – прищурился Дитц.

– Конечно. Но мы – небольшая группа людей. Товарищей, объединённых одной судьбой. Прошедших огонь, воду и медные трубы. Даже Свем Одиночка, по сути, дикарь из каменного века, возможно, дорос. Но только потому, что связался с нами, стал одним из нас. И в Пирамиде успел хвататься всякого – учился, смотрел, слушал, запоминал. А вот народ рашей, который находится на стадии Средневековья...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.